

Часть первая

I. МАРСЕЛЬ. ПРИБЫТИЕ

Двадцать седьмого февраля 1815 года дозорный Нотр-Дам-де-ла-Гард дал знать о приближении трехмачтового корабля «Фараон», идущего из Смирны, Триеста и Неаполя.

Как всегда, портовый лоцман тотчас же отбыл из гавани, миновал замок Иф и пристал к кораблю между мысом Моржион и островом Рион.

Тотчас же, по обыкновению, площадка форта Св. Иоанна наполнилась любопытными, ибо в Марселе прибытие корабля всегда большое событие, особенно если этот корабль, как «Фараон», выстроен, оснащен, гружен на верфях древней Фокеи и принадлежит местному арматору.

Между тем корабль приближался; он благополучно прошел пролив, который вулканическое сотрясение некогда образовало между островами Каласарень и Жарос, обогнул Помег и приближался под тремя марсельями, кливером и контрбизанью, но так медленно и скорбно, что любопытные, невольно почуяв несчастье, спрашивали себя, что бы такое могло с ним случиться. Однако знатоки дела видели ясно, что если что и случилось, то не с самим кораблем, ибо он шел, как полагается хорошо управляемому судну: якорь был готов к отдаче, ватербакштаги отданы, а рядом с лоцманом, который готовился ввести «Фараон» узким входом в марсельскую гавань, стоял молодой человек, проворный и зоркий, наблюдавший за каждым движением корабля и повторявший каждую команду лоцмана.

Безотчетная тревога, витавшая над толпою, с особой силой охватила одного из зрителей, так что он не стал дожидаться, пока корабль войдет в порт; он бросился в лодку и приказал грести навстречу «Фараону», с которым и поравнялся на против бухты Резерв.

Завидев этого человека, молодой моряк отошел от лоцмана и, сняв шляпу, стал у борта.

Это был юноша лет восемнадцати-двадцати, высокий, стройный, с красивыми черными глазами и черными, как смоль, волосами; весь его облик дышал тем спокойствием и решимостью, какие свойственны людям, с детства привыкшим бороться с опасностью.

— А! Это вы, Дантес! — крикнул человек в лодке. — Что случилось? Почему все так уныло у вас на корабле?

— Большое несчастье, господин Моррель, — отвечал юноша, — большое несчастье, особенно для меня: у Чивита-Веккии мы лишились нашего славного капитана Леклера.

— А груз? — живо спросил арматор.

— Прибыл в целости, господин Моррель, и, я думаю, в этом отношении вы будете довольны... Но бедный капитан Леклер...

— Что же с ним случилось? — спросил арматор с видом явного облегчения. — Что случилось с нашим славным капитаном?

— Он скончался.

— Упал за борт?

— Нет, умер от нервной горячки, в страшных мучениях, — сказал Дантес.

Затем, обернувшись к экипажу, он крикнул:

— Эй! По местам стоять! На якорь становиться!

Экипаж повиновался. Тотчас же восемь или десять матросов, из которых он состоял, бросились кто к шкотам, кто к брасам, кто к фалам, кто к кливер-ниралам, кто к гитовам.

Молодой моряк окинул их беглым взглядом и, видя, что команда выполняется, опять повернулся к своему собеседнику.

— А как же случилось это несчастье? — спросил арматор, возобновляя прерванный разговор.

— Да самым неожиданным образом. После продолжительного разговора с комендантом порта капитан Леклер в сильном возбуждении покинул Неаполь; через сутки у него началась горячка; через три дня он был мертв... Мы похоронили его как полагается, и теперь он покоится, завернутый в холст, с ядром в ногах и ядром в головах, у острова Дель-Джилло. Мы привезли вдове его крест и шпагу. Стоило, — прибавил юноша с печальной улыбкой, — стоило десять лет воевать с англичанами, чтобы умереть, как все, в постели!

— Что поделаешь, Эдмон! — сказал арматор, который, по-видимому, все более и более успокаивался. — Все мы

смертны, и надо, чтобы старые уступали место молодым, — иначе все бы остановилось. И так как вы говорите, что груз...

— В полной сохранности, господин Моррель, я вам ручаюсь. И я думаю, что вы продешевите, если удовольствуетесь барышом в двадцать пять тысяч франков.

И видя, что «Фараон» уже миновал круглую башню, он крикнул:

— На марса-гитовы! Кливер-нирал! На бизань-шкот! Якорь к отдаче изготовить!

Приказание было исполнено почти с такой же быстротой, как на военном судне.

— Шкоты отдать! Паруса на гитовы!

При последней команде все паруса упали, и корабль продолжал скользить еле заметно, двигаясь только по инерции.

— А теперь не угодно ли вам подняться, господин Моррель, — сказал Дантес, видя нетерпение арматора. — Вот и господин Данглар, ваш бухгалтер, выходит из каюты. Он сообщит вам все сведения, какие вы только пожелаете. А мне надобно стать на якорь и позаботиться о знаках траура.

Вторичного приглашения не понадобилось. Арматор схватился за канат, брошенный Дантесом, и с ловкостью, которая сделала бы честь любому моряку, взобрался по скобам, вбитым в выпуклый борт корабля, а Дантес вернулся на свое прежнее место, уступая разговор тому, кого он назвал Дангларом, который, выйдя из каюты, действительно шел навстречу Моррелю.

Это был человек лет двадцати пяти, довольно мрачного вида, угодливый с начальниками, нетерпимый с подчиненными. За это, еще более чем за титул бухгалтера, всегда ненавидистый матросам, экипаж настолько же его недолюбливал, насколько любил Дантеса.

— Итак, господин Моррель, — сказал Данглар, — вы уже знаете о нашем несчастье?

— Да! Да! Бедный капитан Леклер! Это был славный и честный человек!

— А главное — превосходный моряк, состарившийся между небом и водой, каким и должен быть человек, которому доверены интересы такой крупной фирмы, как «Моррель и Сын», — отвечал Данглар.

— Мне кажется, — сказал арматор, следя глазами за Дантесом, который выбирал место для стоянки, — что вовсе не нужно быть таким старым моряком, как вы говорите, чтобы

знать свое дело. Вот наш друг Эдмон так хорошо справляется, что ему, по-моему, не требуется ничьих советов.

— Да, — отвечал Данглар, бросив на Дантеса косою взгляд, в котором блеснула ненависть, — да, молодость и самонадеянность. Не успел умереть капитан, как он принял команду, не посоветовавшись ни с кем, и заставил нас потерять полтора дня у острова Эльба, вместо того чтобы идти прямо на Марсель.

— Приняв команду, — сказал арматор, — он исполнил свой долг как помощник капитана, но терять полтора дня у острова Эльба было неправильно, если только корабль не нуждался в починке.

— Корабль был цел и невредим, господин Моррель, а эти полтора дня потеряны из чистого каприза, ради удовольствия сойти на берег, только и всего.

— Дантес! — сказал арматор, обращаясь к юноше. — Подите-ка сюда.

— Простите, сударь, — отвечал Дантес, — через минуту я к вашим услугам.

Потом, обращаясь к экипажу, скомандовал:

— Отдать якорь!

Тотчас же якорь отдали, и цепь с грохотом побежала. Дантес оставался на своем посту, несмотря на присутствие лоцмана, до тех пор, пока не был выполнен и этот последний маневр.

Потом он крикнул:

— Вымпел приспустить до половины, флаг завязать узлом, реи скрестить!

— Вот видите, — сказал Данглар, — он уже воображает себя капитаном, даю вам слово.

— Да он и есть капитан, — отвечал арматор.

— Да, только не утвержден еще ни вами, ни вашим компаньоном, господин Моррель.

— Отчего же нам не оставить его капитаном? — сказал арматор. — Правда, он молод, но, кажется, предан делу и очень опытен.

Лицо Данглара омрачилось.

— Извините, господин Моррель, — сказал Дантес, подходя, — якорь отдан, и я к вашим услугам. Вы, кажется, звали меня?

Данглар отступил на шаг.

— Я хотел вас спросить, зачем вы заходили на остров Эльба?

— Сам не знаю. Я исполнял последнее распоряжение капитана Леклера. Умирая, он велел мне доставить пакет маршалу Бертрану.

— Так вы его видели, Эдмон?

— Кого?

— Маршала.

— Да.

Моррель оглянулся и отвел Дантеса в сторону.

— А что император? — спросил он с живостью.

— Здоров, насколько я мог судить.

— Так вы и самого императора видели?

— Он вошел к маршалу, когда я у него был.

— И вы говорили с ним?

— То есть он со мной говорил, — отвечал Дантес с улыбкой.

— Что же он вам сказал?

— Спрашивал о корабле, о времени отбытия в Марсель, о нашем курсе, о грузе. Думаю, что, если бы корабль был пустой и принадлежал мне, он готов был бы купить его; но я сказал ему, что я только заступаю место капитана и что корабль принадлежит торговому дому «Моррель и Сын». «А, знаю, — сказал он, — Моррели — арматоры из рода в род, и один Моррель служил в нашем полку, когда я стоял в Валансе».

— Верно! — вскричал радостно арматор. — Это был Поликар Моррель, мой дядя, который дослужился до капитана. Дантес, вы скажете моему дяде, что император вспомнил о нем, и вы увидите, как старый ворчун заплачет. Ну, ну, — продолжал арматор, дружески хлопая молодого моряка по плечу, — вы хорошо сделали, Дантес, что исполнили приказ капитана Леклера и остановились у Эльбы; хотя, если узнают, что вы доставили пакет маршалу и говорили с императором, то это может вам повредить.

— Чем же это может мне повредить? — отвечал Дантес. — Я даже не знаю, что было в пакете, а император задавал мне вопросы, какие задал бы первому встречному. Но разрешите: вот едут карантинные и таможенные чиновники.

— Ступайте, ступайте, дорогой мой.

Молодой человек удалился, и в ту же минуту подошел Данглар.

— Ну что? — спросил он. — Он, по-видимому, объяснил вам, зачем он заходил в Порто-Феррайо?

— Вполне, дорогой Данглар.

— А! Тем лучше, — отвечал тот. — Тяжело видеть, когда товарищ не исполняет своего долга.

— Дантес свой долг исполнил, и тут ничего не скажешь, — возразил арматор. — Это капитан Леклер приказал ему остановиться у Эльбы.

— Кстати, о капитане Леклере; он отдал вам его письмо?

— Кто?

— Дантес.

— Мне? Нет. Разве у него было письмо?

— Мне казалось, что, кроме пакета, капитан дал ему еще и письмо.

— О каком пакете вы говорите, Данглар?

— О том, который Дантес отвез в Порто-Феррайо.

— А откуда вы знаете, что Дантес отвозил пакет в Порто-Феррайо?

Данглар покраснел.

— Я проходил мимо каюты капитана и видел, как он отдавал Дантесу пакет и письмо.

— Он мне ничего не говорил, но если у него есть письмо, то он мне его передаст.

Данглар задумался.

— Если так, господин Моррель, то прошу вас, не говорите об этом Дантесу. Я, верно, ошибся.

В эту минуту молодой моряк возвратился. Данглар опять отошел.

— Ну что, дорогой Дантес, вы свободны? — спросил арматор.

— Да, господин Моррель.

— Как вы скоро покончили!

— Да, я вручил таможенникам списки наших товаров, а из порта прислали с лоцманом человека, которому я и передал наши бумаги.

— Так вам здесь нечего больше делать?

Дантес быстро осмотрелся.

— Нечего, все в порядке, — сказал он.

— Так поедем обедать к нам.

— Прошу прощения, господин Моррель, но прежде всего я должен повидаться с отцом. Благодарю вас за честь...

— Правильно, Дантес, правильно. Я знаю, что вы хороший сын.

— А мой отец, — спросил Дантес нерешительно, — он здоров, вы не знаете?

— Думаю, что здоров, дорогой Эдмон, хотя я его не видал.

— Да, он все сидит в своей комнатухе.

— Это доказывает по крайней мере, что он без вас не нуждался ни в чем.

Дантес улыбнулся.

— Отец мой горд, и если бы он даже нуждался во всем, то ни у кого на свете, кроме бога, не попросил бы помощи.

— Итак, навестив отца, вы, надеюсь, придете к нам?

— Еще раз извините, господин Моррель, но у меня есть другой долг, который для меня так же драгоценен.

— Да! Я и забыл, что в Каталанах кто-то ждет вас с таким же нетерпением, как и ваш отец, — прекрасная Мерседес.

Дантес улыбнулся.

— Вот оно что! — продолжал арматор. — Теперь я понимаю, почему она три раза приходила справляться, скоро ли придет «Фараон». Черт возьми, Эдмон, вы счастливец, подружка хоть куда!

— Она мне не подружка, — серьезно сказал моряк, — она моя невеста.

— Иногда это одно и то же, — засмеялся арматор.

— Не для нас, — отвечал Дантес.

— Хорошо, Эдмон, я вас не удерживаю. Вы так хорошо устроили мои дела, что я должен дать вам время на устройство ваших. Не нужно ли вам денег?

— Нет, не нужно. У меня осталось все жалованье, полученное за время плавания, то есть почти за три месяца.

— Вы аккуратный человек, Эдмон.

— Не забудьте, господин Моррель, что мой отец беден.

— Да, да, я знаю, что вы хороший сын. Ступайте к отцу. У меня тоже есть сын, и я бы очень рассердился на того, кто после трехмесячной разлуки помешал бы ему повидаться со мной.

— Так вы разрешите? — сказал молодой человек, кланяясь.

— Идите, если вам больше нечего мне сказать.

— Больше нечего.

— Капитан Леклер, умирая, не давал вам письма ко мне?

— Он не мог писать; но ваш вопрос напомнил мне, что я должен буду попроситься у вас в двухнедельный отпуск.

— Для свадьбы?

— И для свадьбы, и для поездки в Париж.

— Пожалуйста. Мы будем разгружаться недель шесть и выйдем в море не раньше как месяца через три. Но через три месяца вы должны быть здесь, — продолжал арматор, хлопая

молодого моряка по плечу. — «Фараон» не может идти в плавание без своего капитана.

— Без своего капитана! — вскричал Дантес, и глаза его радостно заблестели. — Говорите осторожнее, господин Моррель, потому что вы сейчас ответили на самые тайные надежды моей души. Вы хотите назначить меня капитаном «Фараона»?

— Будь я один, дорогой мой, я бы протянул вам руку и сказал: «Готово дело!» Но у меня есть компаньон, а вы знаете итальянскую поговорку: «Chi ha compagno ha padrone»¹. Но половина дела сделана, потому что из двух голосов один уже принадлежит вам. А добыть для вас второй — предоставьте мне.

— О господин Моррель! — вскричал юноша со слезами на глазах, сжимая ему руки. — Благодарю вас от имени отца и Мерседес.

— Ладно, ладно, Эдмон, есть же для честных людей бог на небе, черт возьми! Повидайтесь с отцом, повидайтесь с Мерседес, а потом приходите ко мне.

— Вы не хотите, чтобы я отвез вас на берег?

— Нет, благодарю. Я останусь здесь и просмотрю счета с Дангларом. Вы были довольны им во время плаванья?

— И доволен и нет. Как товарищем — нет. Мне кажется, он меня невзлюбил с тех пор, как однажды, повздорив с ним, я имел глупость предложить ему остановиться минут на десять у острова Монте-Кристо, чтобы разрешить наш спор; конечно, мне не следовало этого говорить, и он очень умно сделал, что отказался. Как о бухгалтере о нем ничего нельзя сказать дурного, и вы, вероятно, будете довольны им.

— Но скажите, Дантес, — спросил арматор, — если бы вы были капитаном «Фараона», вы бы по собственной воле оставили у себя Данглара?

— Буду ли я капитаном или помощником, господин Моррель, я всегда буду относиться с полным уважением к тем лицам, которые пользуются доверием моих хозяев.

— Правильно, Дантес. Вы во всех отношениях славный малый. А теперь ступайте; я вижу, вы как на иголках.

— Так я в отпуску?

— Ступайте, говорят вам.

— Вы мне позволите взять вашу лодку?

¹ У кого компаньон, у того хозяин (*итал.*).

— Возьмите.

— До свидания, господин Моррель. Тысячу раз благодарю вас.

— До свидания, Эдмон. Желаю удачи!

Молодой моряк спрыгнул в лодку, сел у руля и велел грести к улице Каннебьер. Два матроса налегли на весла, и лодка понеслась так быстро, как только позволяло множество других лодок, которые загромождали узкий проход, ведущий, между двумя рядами кораблей, от входа в порт к Орлеанской набережной.

Арматор с улыбкой следил за ним до самого берега, видел, как он выпрыгнул на мостовую и исчез в пестрой толпе, наполняющей с пяти часов утра до девяти часов вечера знаменитую улицу Каннебьер, которой современные фокейцы так гордятся, что говорят самым серьезным образом, с своим характерным акцентом: «Будь в Париже улица Каннебьер, Париж был бы маленьким Марселем».

Оглянувшись, арматор увидел за своей спиной Данглара, который, казалось, ожидал его приказаний, а на самом деле, как и он, провожал взглядом молодого моряка. Но была огромная разница в выражении этих двух взглядов, следивших за одним и тем же человеком.

II. ОТЕЦ И СЫН

Пока Данглар, вдохновляемый ненавистью, старается очернить своего товарища в глазах арматора, последуем за Дантесом, который, пройдя всю улицу Каннебьер, миновал улицу Ноайль, вошел в небольшой дом по левой стороне Мельянских аллей, быстро поднялся по темной лестнице на пятый этаж и, держась одной рукой за перила, а другую прижимая к сильно бьющемуся сердцу, остановился перед полуотворенной дверью, через которую можно было видеть всю каморку.

В этой каморке жил его отец.

Известие о прибытии «Фараона» не дошло еще до старика, который, вобравшись на стул, дрожащей рукой поправлял настурции и ломоносы, обвивавшие его окошко. Вдруг кто-то обхватил его сзади, и он услышал знакомый голос:

— Отец!

Старик вскрикнул и обернулся. Увидав сына, он бросился в его объятия, весь бледный и дрожащий.

— Что с тобой, отец? — спросил юноша с беспокойством. — Ты болен?

— Нет, нет, милый Эдмон, сын мой, дитя мое, нет! Но я не ждал тебя... Ты застал меня врасплох... это от радости. Боже мой! Мне кажется, что я умру!

— Успокойся, отец, это же я. Все говорят, что радость не может повредить, вот почему я так прямо и вошел к тебе. Улыбнись, не смотри на меня безумными глазами. Я вернулся домой, и все будет хорошо.

— Тем лучше, дитя мое, — отвечал старик, — но как же все будет хорошо? Разве мы больше не расстанемся? Расскажи же мне о твоём счастье!

— Да простит мне господь, что я радуюсь счастью, построенному на горе целой семьи, но, видит бог, я не желал этого счастья. Оно пришло само собой, и у меня нет сил печалиться. Капитан Леклер скончался, и весьма вероятно, что благодаря покровительству Морреля я получу его место. Понимаете, отец? В двадцать лет я буду капитаном! Сто луидоров жалованья и доля в прибылях! Разве мог я, бедный матрос, ожидать этого?

— Да, сын мой, ты прав, — сказал старик, — это большое счастье.

— И я хочу, чтобы на первые же деньги вы завели себе домик с садом для ваших ломоносов, настурций и жимолости... Но что с тобой, отец? Тебе дурно?

— Ничего, ничего... сейчас пройдет!

Силы изменили старику, и он откинулся назад.

— Сейчас, отец! Выпей стакан вина, это тебя подкрепит. Где у тебя вино?

— Нет, спасибо, не ищи, не надо, — сказал старик, стараясь удержать сына.

— Как не надо!.. Скажите, где вино? — Он начал шарить в шкафу.

— Не ищи... — сказал старик. — Вина нет...

— Как нет? — вскричал Дантес. Он с испугом глядел то на впалые бледные щеки старика, то на пустые полки. — Как нет вина? Вам не хватило денег, отец?

— У меня всего вдоволь, раз ты со мною, — отвечал старик.

— Однако же, — прошептал Дантес, отирая пот с лица, — я вам оставил двести франков назад тому три месяца, когда уезжал.

— Да, да, Эдмон, но ты, уезжая, забыл вернуть должок со-

седу Кадруссу; он мне об этом напомнил и сказал, что если я не заплачу за тебя, то он пойдет к господину Моррелю. Я боялся, что это повредит тебе...

— И что же?

— Я и заплатил.

— Но ведь я был должен Кадруссу сто сорок франков! — вскричал Дантес.

— Да, — пролепетал старик.

— И вы их заплатили из двухсот франков, которые я вам оставил?

Старик кивнул головой.

— И жили целых три месяца на шестьдесят франков?

— Много ли мне надо, — отвечал старик.

— Господи! — простонал Эдмон, бросаясь на колени перед отцом.

— Что с тобой?

— Никогда себе этого не прощу.

— Брось, — сказал старик с улыбкой, — ты вернулся, и все забыто. Ведь теперь все хорошо.

— Да, я вернулся, — сказал юноша, — вернулся с наилучшими надеждами и с кое-какими деньгами... Вот, отец, берите, берите и сейчас же пошлите купить что-нибудь.

И он высыпал на стол дюжину золотых, пять или шесть пятифранковых монет и мелочь.

Лицо старого Дантеса просияло.

— Чье это? — спросил он.

— Да мое... твоё... наше! Бери, накупи провизии, не жалей денег, завтра я еще принесу.

— Постой, постой, — сказал старик, улыбаясь. — С твоего позволения я буду тратить деньги потихоньку; если я сразу много накуплю, то еще, пожалуй, люди подумают, что мне пришлось для этого ждать твоего возвращения.

— Делай, как тебе угодно, но прежде всего найми служанку. Я не хочу, чтобы ты жил один. У меня в трюме припрятан контрабандный кофе и чудесный табак; завтра же ты их получишь. Тише! Кто-то идет.

— Это, должно быть, Кадрусс. Узнал о твоём приезде и идет поздравить тебя с счастливым возвращением.

— Вот еще уста, которые говорят одно, между тем как сердце думает другое, — прошептал Эдмон. — Но все равно, он наш сосед и оказал нам когда-то услугу! Примем его ласково.

Не успел Эдмон договорить, как в дверях показалась чер-

ная бородатая голова Кадрусса. Это был человек лет двадцати пяти — двадцати шести; в руках он держал кусок сукна, который он согласно своему ремеслу портного намеревался превратить в одежду,

— А! Приехал, Эдмон! — сказал он с сильным марсельским акцентом, широко улыбаясь, так что видны были все его зубы, белые, как слоновая кость.

— Как видите, сосед Кадрусс, я к вашим услугам, если вам угодно, — отвечал Дантес, с трудом скрывая холодность под любезным тоном.

— Покорно благодарю. К счастью, мне ничего не нужно, и даже иной раз другие во мне нуждаются. (Дантес вздрогнул.) Я не про тебя говорю, Эдмон. Я дал тебе денег взаймы, ты мне их отдал; так водится между добрыми соседями, и мы в расчете.

— Никогда не бываешь в расчете с теми, кто нам помог, — сказал Дантес. — Когда денежный долг возвращен, остается долг благодарности.

— К чему говорить об этом? Что было, то прошло. Поговорим лучше о твоём счастливом возвращении. Я пошел в порт поискать коричневого сукна и встретил своего приятеля Данглара.

«Как, ты в Марселе?» — говорю ему.

«Да, как видишь».

«А я думал, ты в Смирне».

«Мог бы быть и там, потому что прямо оттуда».

«А где же наш Эдмон?»

«Да, верно, у отца», — отвечал мне Данглар. Вот я и пришел, — продолжал Кадрусс, — чтобы приветствовать друга.

— Славный Кадрусс, как он нас любит! — сказал старик.

— Разумеется, люблю и притом еще уважаю, потому что честные люди редки... Но ты никак разбогател, приятель? — продолжал портной, искоса взглянув на кучку золота и серебра, выложенную на стол Дантесом.

Юноша заметил искру жадности, блеснувшую в черных глазах соседа.

— Это не мои деньги, — отвечал он небрежно. — Я сказал отцу, что боялся найти его в нужде, а он, чтобы успокоить меня, высыпал на стол все, что было у него в кошельке. Спрячьте деньги, отец, если только соседу они не нужны.

— Нет, друг мой, — сказал Кадрусс, — мне ничего не нужно; слава богу, ремесло мастера кормит. Береги денежки, лишних никогда не бывает. При всем том я тебе благодарен

за твое предложение не меньше, чем если бы я им воспользовался.

— Я предложил от сердца, — сказал Дантес.

— Не сомневаюсь. Итак, ты в большой дружбе с Моррелем, хитрец ты этакий?

— Господин Моррель всегда был очень добр ко мне, — отвечал Дантес.

— В таком случае ты напрасно отказался от обеда.

— Как отказался от обеда? — спросил старый Дантес. — Разве он звал тебя обедать?

— Да, отец, — отвечал Дантес и улыбнулся, заметив, как поразила старика необычайная честь, оказанная его сыну.

— А почему же ты отказался, сын? — спросил старик.

— Чтобы пораньше прийти к вам, отец, — ответил молодой человек. — Мне не терпелось увидиться с вами.

— Моррель, должно быть, обиделся, — продолжал Кадрусс, — а когда метишь в капитаны, не следует перечить арматору.

— Я объяснил ему причину отказа, и он понял меня, надеюсь.

— Чтобы стать капитаном, надобно немножко подольститься к хозяевам.

— Я надеюсь быть капитаном и без этого, — отвечал Дантес.

— Тем лучше, тем лучше! Это порадует всех старых твоих друзей. А там, за фортом Святого Николая, я знаю кое-кого, кто будет особенно доволен.

— Мерседес? — спросил старик.

— Да, отец, — сказал Дантес. — И теперь, когда я вас увидал, когда я знаю, что вы здоровы и что у вас есть все, что вам нужно, я попрошу у вас позволения отправиться в Каталаны.

— Ступай, дитя мое, ступай, — отвечал старый Дантес, — и да благословит тебя господь женой, как благословил меня сыном.

— Женой! — сказал Кадрусс. — Как вы, однако, спешите; она еще не жена ему как будто!

— Нет еще, но, по всем вероятностям, скоро будет, — отвечал Эдмон.

— Как бы то ни было, — сказал Кадрусс, — ты хорошо сделал, что поспешил с приездом.

— Почему?

— Потому что Мерседес — красавица, а у красавиц нет

недостатка в поклонниках; у этой — особенно: они дюжинами ходят за ней.

— В самом деле? — сказал Дантес с улыбкой, в которой заметна была легкая тень беспокойства.

— Да, да, — продолжал Кадрусс, — и притом завидные женихи; но, сам понимаешь, ты скоро будешь капитаном, и тебе едва ли откажут.

— Это значит, — подхватил Дантес с улыбкой, которая едва прикрывала его беспокойство, — это значит, что если бы я не стал капитаном...

— Гм! Гм! — пробормотал Кадрусс.

— Ну, — сказал молодой человек, — я лучшего мнения, чем вы, о женщинах вообще и о Мерседес в особенности, и я убежден, что, буду я капитаном или нет, она останется мне верна.

— Тем лучше, — сказал Кадрусс, — тем лучше! Когда женишься, нужно уметь верить; но все равно, приятель, я тебе говорю: не теряй времени, ступай, объяви ей о своем приезде и поделись своими надеждами.

— Иду, — отвечал Эдмон.

Он поцеловал отца, кивнул Кадруссу и вышел.

Кадрусс посидел у старика еще немного, потом, простившись с ним, тоже вышел и вернулся к Данглару, который ждал его на углу улицы Сенак.

— Ну, что? — спросил Данглар. — Ты его видел?

— Видел, — ответил Кадрусс.

— И он говорил тебе о своих надеждах на капитанство?

— Он говорит об этом так, как будто он уже капитан.

— Вот как! — сказал Данглар. — Уж больно он торопится!

— Но Моррель ему, как видно, обещал...

— Так он очень весел?

— Даже до дерзости; он уже предлагал мне свои услуги, как какая-нибудь важная особа; предлагал мне денег, как банкир.

— И ты отказался?

— Отказался. А мог бы взять у него займы, потому что не кто другой, как я, одолжил ему первые деньги, которые он видел в своей жизни. Но теперь господин Дантес ни в ком не нуждается: он скоро будет капитаном!

— Ну, он еще не капитан!

— Правду сказать, хорошо было бы, если бы он им и не стал, — продолжал Кадрусс, — а то с ним и говорить нельзя будет.

— Если мы захотим, — сказал Данглар, — он будет тем же, что и теперь, а может быть, и того меньше.

— Что ты говоришь?

— Ничего, я говорю сам с собою. И он все еще влюблен в прекрасную каталанку?

— До безумия; уже побегал туда. Но или я очень ошибаюсь, или с этой стороны его ждут неприятности.

— Скажи яснее.

— Зачем?

— Это гораздо важнее, чем ты думаешь. Ведь ты не любишь Дантеса?

— Я не люблю гордецов.

— Так скажи мне все, что знаешь о каталанке.

— Я не знаю ничего наверное, но видел такие вещи, что думаю, как бы у будущего капитана не вышло неприятностей на дороге у Старой Больницы.

— Что же ты видел? Ну, говори.

— Я видел, что каждый раз, как Мерседес приходит в город, ее провожает рослый детина, каталанец, с черными глазами, краснолицый, черноволосый, сердитый. Она называет его двоюродным братом.

— В самом деле!.. И ты думаешь, что этот братец за нею волочится?

— Предполагаю — как же может быть иначе между двадцатилетним детиной и семнадцатилетней красавицей?

— И ты говоришь, что Дантес пошел в Каталаны?

— Пошел при мне.

— Если мы пойдем туда же, мы можем остановиться в «Резерве» и за стаканом мальгского вина подождать новостей.

— А кто нам их сообщит?

— Мы будем на его пути и по лицу Дантеса увидим, что произошло.

— Идем, — сказал Кадрусс, — но только платишь ты.

— Разумеется, — отвечал Данглар.

И оба быстрым шагом направились к назначенному месту. Придя в трактир, они велели подать бутылку вина и два стакана.

От старика Памфила они узнали, что минут десять тому назад Дантес прошел мимо трактира.

Удостоверившись, что Дантес в Каталанах, они сели под молодой листвой платанов и сикомор, в ветвях которых веселая стая птиц воспевала один из первых ясных дней весны.

III. КАТАЛАНЦЫ

В ста шагах от того места, где оба друга, насторожив уши и поглядывая на дорогу, прихлебывали искрометное мальгское вино, за лысым пригорком, обглоданным солнцем и мистральями, лежало селение Каталаны.

Однажды из Испании выехали какие-то таинственные переселенцы и пристали к тому клочку земли, на котором они живут и поныне. Они явились неведомо откуда и говорили на незнакомом языке. Один из начальников, понимавший провансальский язык, попросил у города Марсея позволения завладеть пустынным мысом, на который они, по примеру древних мореходов, вытащили свои суда. Просьбу уважили, и три месяца спустя вокруг десятка судов, привезших этих морских цыган, выросло небольшое селение. В этом своеобразном и живописном селении, полумаавританском, полуиспанском, и поныне живут потомки этих людей, говорящие на языке своих дедов. В продолжение трех или четырех веков они остались верны своему мысу, на который опустились, как стая морских птиц; они нимало не смешались с марсельскими жителями, женятся только между собой и сохраняют нравы и одежду своей родины так же, как сохранили ее язык.

Мы приглашаем читателя последовать за нами по единственной улице селения и зайти в один из домиков; солнце снаружи окрасило его стены в цвет опавших листьев, одинаковый для всех старинных построек этого края, а внутри кисть маляра сообщила им белизну, составляющую единственное украшение испанских *posadas*¹.

Красивая молодая девушка, с черными, как смоль, волосами, с бархатными, как у газели, глазами, стояла, прислонившись к перегородке, и в тонких, словно выточенных античным ваятелем, пальцах мяла ни в чем не повинную ветку вереска; оборванные цветы и листья уже усеяли пол; руки ее, обнаженные до локтя, покрытые загаром, но словно скопированные с рук Венеры Арльской, дрожали от волнения, а легкой ножкой с высоким подъемом она нетерпеливо постукивала по полу, так что можно было видеть ее стройные, изящные икры, обтянутые красным чулком с серыми и синими стрелками. В трех шагах от нее, покачиваясь на стуле и опершись локтем на старый комод, статный молодец лет двадцати — двадцати двух смотрел на нее с беспокойством и доса-

¹ Posada — дом (*исп.*).

дой; в его глазах был вопрос, но твердый и упорный взгляд девушки крошил собеседника.

— Послушай, Мерседес, — говорил молодой человек, — скоро Пасха, самое время сыграть свадьбу... Ответь же мне!

— Я тебе уже сто раз отвечала, Фернан, и ты сам себе враг, если опять спрашиваешь меня.

— Ну, так повтори еще, умоляю тебя, повтори еще, чтобы я мог поверить. Скажи мне в сотый раз, что отвергаешь мою любовь, которую благословила твоя мать; заставь меня понять, что ты играешь моим счастьем, что моя жизнь или смерть для тебя — ничто! Боже мой! Десять лет мечтать о том, чтобы стать твоим мужем, Мерседес, и потерять эту надежду, которая была единственной целью моей жизни!

— По крайней мере не я поддерживала в тебе эту надежду, — отвечала Мерседес, — ты не можешь меня упрекнуть, что я когда-нибудь завлекала тебя. Я всегда говорила тебе: я люблю тебя, как брата, но никогда не требуй от меня ничего, кроме этой братской дружбы, потому что сердце мое отдано другому. Разве я не говорила тебе этого, Фернан?

— Знаю, знаю, Мерседес, — прервал молодой человек. — Да, ты всегда была со мной до жестокости прямодушна, но ты забываешь, что для каталанцев брак только между своими — священный закон.

— Ты ошибаешься, Фернан, это не закон, а просто обычай, только и всего, — и верь мне, тебе не стоит ссылаться на этот обычай. Ты вытянул жребий, Фернан. Если ты еще на свободе, то это просто поблажка, не сегодня, так завтра тебя могут призвать на службу. А когда ты поступишь в солдаты, что ты станешь делать с бедной сиротой, горемычной, без денег, у которой нет ничего, кроме развалившейся хижины, где висят старые сети — жалкое наследство, оставленное моим отцом матери, а матерью — мне? Вот год как она умерла, и подумай, Фернан, ведь я живу почти милостыней! Иногда ты притворяешься, будто я тебе помогаю, и это для того, чтобы иметь право разделить со мной улов; и я принимаю это, Фернан, потому что твой отец был брат моего отца, потому что мы выросли вместе и особенно потому, что отказ мой слишком огорчил бы тебя. Но я чувствую, что деньги, которые я выручаю за твою рыбу и на которые я покупаю себе лен для пряжи, — просто милостыня.

— Не все ли мне равно, Мерседес! Бедная и одинокая, ты мне дороже, чем дочь самого гордого арматора или самого

богатого банкира в Марселе! Что надобно нам, беднякам? Честную жену и хорошую хозяйку. Где я найду лучше тебя?

— Фернан, — отвечала Мерседес, покачав головою, — можно стать дурной хозяйкой и нельзя ручаться, что будешь честной женой, если любишь не мужа, а другого. Будь доволен моей дружбой, потому что, повторяю, это все, что я могу тебе обещать, а я обещаю только то, что могу исполнить наверняка.

— Понимаю, — сказал Фернан, — ты терпеливоносишь свою нищету, но боишься моей. Так знай же, Мерседес, если ты меня полюбишь, я попытаю счастья. Ты принесешь мне удачу, и я разбогатею. Я не останусь рыбаком; я могу наняться конторщиком, могу и сам завести торговлю.

— Ничего этого ты не можешь, Фернан; ты солдат, и если ты сейчас в Каталанах, то только потому, что нет войны. Оставайся рыбаком, не строй воздушных замков, после которых действительность покажется тебе еще тягостней, и удовольствуйся моей дружбой. Ничего другого я тебе дать не могу.

— Да, ты права, Мерседес, я буду моряком; надену вместо дедовской одежды, которую ты презираешь, лакированную шляпу, полосатую фуфайку и синюю куртку с якорями на пуговицах. Ведь так должен быть одет человек, который сможет тебе понравиться?

— Что ты хочешь сказать? — спросила Мерседес, с гордым вызовом взглянув на него. — Что ты хочешь сказать? Я не понимаю тебя.

— Я хочу сказать, Мерседес, ты так сурова и жестока со мною только потому, что ждешь человека, который одет, как я описал. А вдруг тот, кого ты ждешь, непостоянен, а если не он, непостоянно море?

— Фернан, — вскричала Мерседес, — я думала, что ты добрый, но я ошиблась. Ты злой, если на помощь своей ревности призываешь божий гнев! Да, я не скрываю: я жду и люблю того, о ком ты говоришь, и если он не вернется, я не стану упрекать его в непостоянстве, а скажу, что он умер, любя меня.

Каталанец яростно сжал кулаки.

— Я тебя поняла, Фернан: ты хочешь отомстить ему за то, что я не люблю тебя. Ты хочешь скрестить свой каталанский нож с его кинжалом! И что же? Ты лишишься моей дружбы, если будешь побежден; а если победишь ты, то моя дружба обернется ненавистью. Поверь мне, искать ссоры с челове-

ком — плохое средство понравиться женщине, которая этого человека любит. Нет, Фернан, ты не поддашься дурным мыслям. Раз я не могу быть твоей женой, ты привыкнешь смотреть на меня как на друга, как на свою сестру. Притом же, — прибавила она с влажными от слез глазами, — не спеши, Фернан: ты сам сейчас сказал — море коварно, и вот уже четыре месяца, как он уехал, а за четыре месяца я насчитала много бурь!

Фернан остался холоден; он не старался отереть слезы, бежавшие по щекам Мерседес; а между тем за каждую ее слезу он отдал бы стакан своей крови. Но эти слезы лились из-за другого!

Он встал, прошелся по хижине и остановился перед Мерседес; глаза его сверкали, кулаки были сжаты.

— Послушай, Мерседес, — сказал он, — отвечай еще раз: это решено?

— Я люблю Эдмона Дантеса, — спокойно ответила девушка, — и, кроме Эдмона, никто не будет моим мужем.

— И ты будешь всегда любить его?

— До самой смерти.

Фернан со стоном опустил голову, как человек, потерявший последнюю надежду; потом вдруг поднял голову и, стиснув зубы, спросил:

— А если он умер?

— Так и я умру.

— А если он тебя забыл?

— Мерседес! — раздался веселый голос за дверью. — Мерседес!

— Ах!.. — вскричала девушка, не помня себя от счастья и любви. — Вот видишь, он не забыл меня, он здесь!

Она бросилась к двери и отворила ее, крича:

— Сюда, Эдмон! Я здесь!

Фернан, бледный и дрожащий, попятился, как путник, внезапно увидевший змею, и, наткнувшись на свой стул, бесильно опустился на него.

Эдмон и Мерседес бросились друг другу в объятия. Палящее марсельское солнце, врываясь в раскрытую дверь, обливало их потоками света. Сначала они не видели ничего кругом. Неизмеримое счастье отделяло их от мира; они говорили несвязными словами, которые передают порывы такой острой радости, что становятся похожи на выражение боли.

Вдруг Эдмон заметил мрачное лицо Фернана, которое выступало из полумрака, бледное и угрожающее; бессозна-

тельно молодой каталанец держал руку на ноже, висевшем у него на поясе.

— Простите, — сказал Дантес, хмуря брови, — я и не заметил, что нас здесь трое.

Затем, обращаясь к Мерседес, он спросил:

— Кто этот господин?

— Этот господин будет вашим лучшим другом, Дантес, потому что это мой друг, мой брат, Фернан, тот человек, которого после вас, Эдмон, я люблю больше всех на свете. Разве вы не узнали его?

— Да, узнал, — отвечал Эдмон, и, не выпуская руки Мерседес, он сердечно протянул другую руку каталанцу.

Но Фернан, не отвечая на это дружеское движение, оставался нем и недвижим, как статуя.

Тогда Эдмон испытующе посмотрел на дрожавшую Мерседес и на мрачного и грозного Фернана.

Один взгляд объяснил ему все. Он вспыхнул от гнева.

— Я не знал, когда спешил к тебе, Мерседес, что найду здесь врага.

— Врага! — вскричала Мерседес, гневно взглянув на двоюродного брата. — Найти врага у меня, в моем доме! Если бы я так думала, я взяла бы тебя под руку и ушла в Марсель, покинув этот дом навсегда.

Глаза Фернана сверкнули.

— И если бы с тобой приключилась беда, мой Эдмон, — продолжала она с неумолимым спокойствием, которое показывало Фернану, что Мерседес проникла в самую глубину его мрачных мыслей, — я взойшла бы на мыс Моржион и бросилась со скалы вниз головой.

Фернан побледнел, как смерть.

— Но ты ошибся, Эдмон, — прибавила она, — здесь у тебя нет врагов; здесь только мой брат Фернан, и он сейчас пожмет тебе руку, как преданному другу.

И девушка устремила повелительный взгляд на каталанца, который, как замороженный, медленно подошел к Эдмону и протянул ему руку.

Ненависть его, подобно волне, бешеной, но бессильной, разбилась о неодолимую власть, которую эта девушка имела над ним.

Но едва он дотронулся до руки Эдмона, как почувствовал, что сделал все, что мог, и бросился вон из дому.

— Горе мне! — стонал он, в отчаянии ломая руки. — Кто избавит меня от этого человека! Горе мне!

— Эй, каталанец! Эй, Фернан! Куда ты? — окликнул его чей-то голос.

Фернан круто остановился, озираясь по сторонам, и увидел Кадрусса, сидевшего с Дангларом за столом под деревьями.

— Что же ты не идешь к нам? — сказал Кадрусс. — Или ты так спешишь, что тебе некогда поздороваться с друзьями?

— Особенно когда перед ними еще почти полная бутылка! — прибавил Данглар.

Фернан бессмысленно посмотрел на них и не ответил ни слова.

— Он совсем ошалел, — сказал Данглар, толкая Кадрусса ногой. — Что, если мы ошиблись и, вопреки нашим ожиданиям, Дантес торжествует победу?

— Сейчас узнаем, — отвечал Кадрусс и, повернувшись к молодому человеку, сказал: — Ну, что же, каталанец, решаешься или нет?

Фернан отер пот с лица и вошел в беседку; ее тень как будто немного успокоила его волнение, а прохлада освежила истомленное тело.

— Здравствуйте, — сказал он, — вы, кажется, звали меня?

И он без сил опустился на один из стульев, стоявших вокруг стола.

— Я позвал тебя потому, что ты бежал, как сумасшедший, и я боялся, что ты, чего доброго, бросишься в море, — сказал, смеясь, Кадрусс. — Черт возьми! Друзей не только угощают вином; иной раз им еще мешают наглотаться воды.

Фернан не то вздохнул, не то всхлипнул и уронил голову на руки.

— Знаешь, что я тебе скажу, Фернан, — продолжал Кадрусс, начиная разговор с грубой откровенностью простых людей, которые от любопытства забывают все приличия. — Знаешь, ты похож на отставленного воздыхателя!

И он громко захохотал.

— Нет, — отвечал Данглар, — такой молодец не для того создан, чтобы быть несчастным в любви. Ты шутишь, Кадрусс.

— Вовсе не шучу, ты лучше послушай, как он вздыхает. Ну-ка, Фернан, подними нос да отвечай нам. Невежливо не отвечать друзьям, когда они спрашивают о здоровье.

— Я здоров, — сказал Фернан, сжимая кулаки, но не поднимая головы.

— А! Видишь ли, Данглар, — сказал Кадрусс, мигнув своему приятелю, — дело вот в чем: Фернан, которого ты здесь

видишь, добрый и честный каталанец, один из лучших марсельских рыбаков, влюблен в красавицу по имени Мерседес, но, к несчастью, красавица, со своей стороны, по-видимому, влюблена в помощника капитана «Фараона», а так как «Фараон» сегодня воротился в порт, то... понимаешь?

— Нет, не понимаю, — отвечал Данглар.

— Бедняга Фернан получил отставку, — продолжал Кадрусс.

— Ну, так что ж? — сказал Фернан, подняв голову и поглядывая на Кадрусса как человек, ищущий, на ком бы выместить досаду. — Мерседес ни от кого не зависит, не так ли? И вольна любить, кого ей угодно.

— Если ты так на это смотришь, тогда другое дело! — сказал Кадрусс. — Я-то думал, что ты каталанец; а мне рассказывали, что каталанцы не из тех людей, у которых можно отбивать возлюбленных; при этом даже прибавляли, что Фернан особенно страшен в своей мести.

Фернан презрительно улыбнулся.

— Влюбленный никогда не страшен, — сказал он.

— Бедняга! — подхватил Данглар, притворяясь, что жалеет его от всего сердца. — Что ж делать? Он не ожидал, что Дантес воротится так скоро. Он думал, что Дантес, быть может, умер, изменил, — как знать? Такие удары тем более тяжелы, что приходят всегда неожиданно.

— Как бы там ни было, — сказал Кадрусс, который все время пил и на которого хмельное мальское вино начинало действовать, — как бы там ни было, благополучное возвращение Дантеса досаждают не одному Фернану; верно, Данглар?

— Верно, и я готов поручиться, что это кончится для него плохо.

— Тем не менее, — продолжал Кадрусс, наливая Фернану и наполняя в восьмой или десятый раз свой собственный стакан, между тем как Данглар едва пригубил свое вино, — тем не менее он женится на красавице Мерседес; по крайней мере он для этого воротился.

Все это время Данглар проницательным взором смотрел на Фернана и видел, что слова Кадрусса падают ему на сердце, как расплавленный свинец.

— А когда свадьба? — спросил Данглар.

— О! До свадьбы еще дело не дошло! — прошептал Фернан.

— Да, но дойдет, — сказал Кадрусс. — Это так же верно,

как то, что Дантес будет капитаном «Фараона». Не правда ли, Данглар?

Данглар вздрогнул при этом неожиданном выпаде, повернулся к Кадруссу и пристально посмотрел на него, чтобы узнать, с умыслом ли были сказаны эти слова, но он не прочел ничего, кроме зависти на этом лице, уже поглупевшем от опьянения.

— Итак, — сказал он, наполняя стаканы, — выпьем за капитана Эдмона Дантеса, супруга прелестной каталанки!

Кадрусс отяжелевшею рукою поднес стакан к губам и одним духом осушил его. Фернан схватил свой стакан и разбил вдребезги.

— Стойте! — сказал Кадрусс. — Что там такое на пригорке, по дороге из Каталан? Взгляни-ка, Фернан, у тебя глаза получше. У меня уже двоится в глазах. Ты знаешь, вино — предатель. Точно двое влюбленных идут рядышком рука об руку. Ах, боже ты мой! Они не подозревают, что мы их видим, и целуются!

Данглар следил за каждым движением Фернана, лицо которого приметно искажалось.

— Знаете вы их, Фернан? — спросил он.

— Да, — отвечал тот глухим голосом, — это Эдмон и Мерседес.

— А! Вот оно что! — сказал Кадрусс. — А я и не узнал их. Эй, Дантес! Эй, красавица! Подите-ка сюда и скажите нам, скоро ли свадьба. Фернан такой упрямец, не хочет нам сказать.

— Да замолчишь ли ты? — прервал его Данглар, делая вид, будто останавливает Кадрусса, который с упрямством пьяницы высовывался из беседки. — Держись крепче на ногах и оставь влюбленных в покое. Бери пример с Фернана: он по крайней мере благоразумен.

Быть может, Фернан, выведенный из себя, подстрекаемый Дангларом, как бык на арене, не удержался бы, ибо он уже встал и, казалось, вот-вот кинется на соперника, но Мерседес, веселая и непринужденная, подняла прелестную головку и окинула всех светлым взором. Он вспомнил ее угрозу — умереть, если умрет Эдмон, — и бессильно опустил на стул.

Данглар посмотрел на своих собеседников — на отупевшего от вина и на сраженного любовью.

— От этих дураков я ничего не добьюсь, — прошептал он, — боюсь, что я имею дело с пьяницей и с трусом. Вот за-

вистник, который наливается вином, между тем как ему следовало бы упиваться желчью; вот болван, у которого из-под носа похищают возлюбленную и который только и знает, что плачет и жалуется, как ребенок. А между тем у него пылающие глаза, как у испанцев, сицилийцев и калабрийцев, которые так искусно мстят за себя; у него такие кулаки, что разможат голову быку вернее всякого обуха. Положительно, счастье улыбается Эдмону; он женится на красавице, будет капитаном и посмеется над нами, разве только... — мрачная улыбка искривила губы Данглара, — разве только я тут вмешаюсь.

— Эй! — продолжал кричать Кадрусс, привстав и опершись кулаком о стол. — Эй, Эдмон! Не видишь ты, что ли, друзей или уж так загордился, что не хочешь и говорить с ними?

— Нет, дорогой Кадрусс, — отвечал Дантес, — я совсем не горд, я счастлив, а счастье, очевидно, ослепляет еще больше, чем гордость.

— Дело! — сказал Кадрусс. — Вот это объяснение! Здравствуйте, госпожа Дантес!

Мерседес чинно поклонилась.

— Меня так еще не зовут, — сказала она. — У нас считается, что можно накликать беду, если называть девушку по имени ее жениха, когда этот жених еще не стал ей мужем; поэтому называйте меня Мерседес, прошу вас.

— Сосед Кадрусс не так уж виноват, — сказал Дантес, — он не намного ошибся!

— Так, значит, свадьба будет скоро? — спросил Данглар, раскланиваясь с молодой парой.

— Как можно скорее. Сегодня сговор у моего отца, а завтра или послезавтра, никак не позже, обед в честь помолвки здесь, в «Резерве». Надеюсь, будут все друзья: это значит, что вы приглашены, господин Данглар; это значит, что и тебя ждут, Кадрусс.

— А Фернан? — спросил Кадрусс, смеясь пьяным смехом. — Фернан тоже будет?

— Брат моей жены — мой брат, — сказал Эдмон, — и мы, Мерседес и я, были бы глубоко огорчены, если бы его не было с нами в такую минуту.

Фернан хотел ответить, но голос замер у него в горле, и он не мог выговорить ни слова.

— Сегодня помолвка... завтра или послезавтра обручение... черт возьми, вы очень спешите, капитан!

— Данглар, — отвечал Эдмон с улыбкой, — я вам скажу то же, что Мерседес сказала сейчас Кадруссу: не наделяйте меня званием, которого я еще не удостоен; это накличет на меня беду.

— Прошу прощения, — отвечал Данглар. — Я только сказал, что вы очень спешите. Ведь времени у нас довольно: «Фараон» выйдет в море не раньше как через три месяца.

— Всегда спешишь быть счастливым, господин Данглар, — кто долго страдал, тот с трудом верит своему счастью. Но это не только себялюбие — я должен ехать в Париж.

— Вот как! В Париж! И вы едете туда в первый раз?

— Да.

— У вас там есть дело?

— Не мое: надо исполнить последнее поручение бедного нашего капитана Леклера. Вы понимаете, Данглар, это дело святое. Впрочем, будьте спокойны, я только съезжу и вернусь.

— Да, да, понимаю, — вслух сказал Данглар.

Потом прибавил про себя:

«В Париж, доставить по назначению письмо, которое ему дал маршал. Черт возьми! Это письмо подает мне мысль. А, Дантес, друг мой! Ты еще не значишься в реестре «Фараона» под номером первым!»

И он крикнул вслед удалявшемуся Эдмону:

— Счастливого пути!

— Благодарю, — отвечал Эдмон, оглядываясь через плечо и дружески кивая головою.

И влюбленные продолжали путь, спокойные и счастливые, как два избранника небес...

IV. ЗАГОВОР

Данглар следил глазами за Эдмоном и Мерседес, пока они не скрылись за фортом Св. Николая; потом он снова повернулся к своим собутыльникам. Фернан, бледный и дрожащий, сидел неподвижно, а Кадрусс бормотал слова какой-то застольной песни.

— Мне кажется, — сказал Данглар Фернану, — эта свадьба не всем сулит счастье.

— Меня она приводит в отчаяние, — отвечал Фернан.

— Вы любите Мерседес?

— Я обожаю ее.

— Давно ли?

— С тех пор как мы знаем друг друга; я всю жизнь любил ее.

— И вы сидите тут и рвете на себе волосы, вместо того чтобы искать средства помочь горю! Черт возьми! Я думал, что не так водится между каталанцами.

— Что же, по-вашему, мне делать? — спросил Фернан.

— Откуда я знаю? Разве это мое дело? Ведь, кажется, не я влюблен в мадемуазель Мерседес, а вы; ищите и обращайтесь, как сказано в Евангелии.

— Я уж нашел было.

— Что именно?

— Я хотел ударить его кинжалом, но она сказала, что, если с ним что-нибудь случится, она убьет себя.

— Бросьте! Такие вещи говорятся, да не делаются.

— Вы не знаете Мерседес. Если она пригрозила, так уж исполнит.

— Болван! — прошептал Данглар. — Пусть она убивает себя, мне какое дело, лишь бы Дантес не был капитаном.

— А прежде чем умрет Мерседес, — продолжал Фернан с твердой решимостью, — я умру.

— Вот любовь-то! — закричал Кадрусс пьяным голосом. — Вот это любовь так любовь, или я ничего в этом не понимаю!

— Послушайте, — сказал Данглар, — вы, сдается мне, славный малый, и я бы хотел, черт меня побери, помочь вашему горю, но...

— Да, — подхватил Кадрусс, — говори.

— Любезный, — прервал его Данглар, — ты уже почти пьян; допей бутылку, и ты будешь совсем готов. Пей и не мешайся в наши дела. Для наших дел надобно иметь свежую голову.

— Я пьян? — вскричал Кадрусс. — Вот тоже! Я могу выпить еще четыре таких бутылки: это же пузырьки из-под одеколону! Папаша Памфил, вина!

И Кадрусс стукнул стаканом по столу.

— Так вы говорите... — сказал Фернан Данглару, с жадностью ожидая окончания прерванной фразы.

— Я уж не помню, что говорил. Этот пьяница спутал все мои мысли.

— Ну и пусть пьяница; тем хуже для тех, кто боится вина; у них, верно, дурные мысли, и они боятся, как бы вино не вывело их наружу.

И Кадрусс затянул песенку, бывшую в то время в большой моде:

Все злодеи — водопийцы,
Что доказано потопом.

— Вы говорили, — продолжал Фернан, — что хотели бы помочь моему горю, но, прибавили вы...

— Да. Но чтобы помочь вашему горю, надо помешать Дантесу жениться на той, которую вы любите, свадьба, по моему, легко может не состояться и без смерти Дантеса.

— Только смерть может разлучить их, — сказал Фернан.

— Вы рассуждаете, как устрица, друг мой, — прервал его Кадрусс, — а Данглар у нас умник, хитрец, ученый, он докажет вам, что вы ошибаетесь. Докажи, Данглар. Я поручился за тебя. Докажи, что Дантесу не нужно умирать; притом жалко будет, если Дантес умрет. Он добрый малый, я люблю Дантеса. За твое здоровье, Дантес!

Фернан, досадливо махнув рукой, встал из-за стола.

— Пусть его, — сказал Данглар, удерживая каталанца, — он хоть пьян, а не так далек от истины. Разлука разделяет не хуже смерти; представьте себе, что между Дантесом и Мерседес выросла тюремная стена; она разлучит их точно так же, как могильный камень.

— Да, но из тюрьмы выходят, — сказал Кадрусс, который, напрягая остатки соображения, цеплялся за разговор, — а когда человек выходит из тюрьмы и когда он зовется Эдмон Дантес, то он мстит.

— Пусть! — прошептал Фернан.

— Притом же, — заметил Кадрусс, — за что сажать Дантеса в тюрьму? Он не украл, не убил, не зарезал...

— Замолчи! — прервал его Данглар.

— Не желаю молчать! — сказал Кадрусс. — Я желаю, чтобы мне сказали, за что сажать Дантеса в тюрьму. Я люблю Дантеса. За твое здоровье, Дантес!

И он осушил еще стакан вина.

Данглар посмотрел в окончательно посоловевшие глаза портного и, повернувшись к Фернану, сказал:

— Теперь вы понимаете, что нет нужды убивать его?

— Разумеется, не нужно, если только, как вы говорите, есть средство засадить Дантеса в тюрьму. Но где это средство?

— Если хорошенько поискать, так найдется, — сказал Данглар. — А впрочем, — продолжал он, — чего ради я путаюсь в это дело? Ведь меня оно не касается.

— Не знаю, касается ли оно вас, — вскричал Фернан, хватая его за руку, — но знаю, что у вас есть причины ненави-

деть Дантеса. Кто сам ненавидит, тот не ошибается и в чужом чувстве.

— У меня причины ненавидеть Дантеса? Никаких, даю вам слово. Я видел, что вы несчастны, и ваше горе возбудило во мне участие, вот и все. Но если вы думаете, что я стараюсь для себя, тогда прощайте, любезный друг, выпутывайтесь из беды, как знаете.

Данглар сделал вид, что хочет встать.

— Нет, останьтесь! — сказал Фернан, удерживая его. — Не все ли мне равно, в конце концов, ненавидите вы Дантеса или нет. Я его ненавижу и не скрываю этого. Найдите средство, и я все исполню; только не смерть, потому что Мерседес сказала, что она умрет, если убьют Дантеса.

Кадрусс, опустивший голову на стол, поднял ее и посмотрел тяжелым и бессмысленным взглядом на Фернана и Данглара.

— Убьют Дантеса! — сказал он. — Кто собирается убить Дантеса? Не желаю, чтобы его убивали. Он мне друг, еще сегодня утром он предлагал поделиться со мной деньгами, как поделился с ним я. Не желаю, чтобы убивали Дантеса!

— Да кто тебе говорит, что его хотят убить, дурак! — прервал Данглар. — Мы просто шутим. Выпей за его здоровье, — продолжал он, наполняя стакан Кадрусса, — и оставь нас в покое.

— Да, да, за здоровье Дантеса! — сказал Кадрусс, выпивая вино. — За его здоровье!.. За его здоровье!.. Вот!..

— Но... средство?.. средство? — спрашивал Фернан.

— Так вы еще не нашли его?

— Нет, ведь вы взялись сами...

— Это правда, — сказал Данглар. — У французов перед испанцами то преимущество, что испанцы обдумывают, а французы придумывают.

— Ну, так придумайте! — нетерпеливо крикнул Фернан.

— Человек! — крикнул Данглар. — Перо, чернил и бумаги!

— Перо, чернил и бумаги? — пробормотал Фернан.

— Да, я бухгалтер: перо, чернила и бумага — мои орудия, без них я ничего не могу сделать.

— Перо, чернил и бумаги! — крикнул в свою очередь Фернан.

— На том столе, — сказал трактирный слуга, указывая рукой.

— Так подайте сюда.

Слуга взял перо, чернила и бумагу и принес их в беседку.

— Как подумаешь, — сказал Кадрусс, ударяя рукой по бумаге, — что вот этим вернее можно убить человека, чем подкараулив его на опушке леса! Недаром я пера, чернил и бумаги всегда боялся больше, чем шпаги или пистолета.

— Этот шут не так еще пьян, как кажется, — заметил Данглар. — Подлейте ему, Фернан.

Фернан наполнил стакан Кадрусса, и тот, как истый пьяница, отнял руку от бумаги и протянул ее к стакану.

Каталанец подождал, пока Кадрусс, почти сраженный этим новым залпом, не поставил или, вернее, не уронил стакан на стол.

— Итак? — сказал каталанец, видя, что последние остатки рассудка Кадрусса утонули в этом стакане.

— Итак, — продолжал Данглар, — если бы, например, после такого плавания, какое совершил Дантес, заходивший в Неаполь и на остров Эльба, кто-нибудь донес на него королевскому прокурору, что он бонапартистский агент...

— Я донесу! — живо вскричал каталанец.

— Да, но вам придется подписать донос, вас поставят на очную ставку с тем, на кого вы донесли. Я, разумеется, снабжу вас всем необходимым, чтобы поддерживать обвинение, но Дантес не вечно будет в тюрьме. Когда-нибудь он выйдет оттуда, и тогда горе тому, кто его засадил!

— Мне только и нужно, чтобы он затеял со мною ссору.

— А Мерседес? Мерседес, которая возненавидит вас, если вы хоть пальцем тронете ее возлюбленного Эдмона!

— Это верно, — сказал Фернан.

— Нет, нет, — продолжал Данглар, — если уж решаться на такой поступок, то лучше всего просто взять перо, вот так, обмакнуть его в чернила и написать левой рукой, чтобы не узнали почерка, маленький доносец следующего содержания.

И Данглар, дополняя наставление примером, написал левой рукой косыми буквами, которые не имели ничего общего с его обычным почерком, следующий документ, который и передал Фернану.

Фернан прочел вполголоса:

— «Приверженец престола и веры уведомляет господина королевского прокурора о том, что Эдмон Дантес, помощник капитана на корабле «Фараон», прибывшем сегодня из Смирны с заходом в Неаполь и Порто-Феррайо, имел от Мюрата письмо к узурпатору, а от узурпатора письмо к бонапартистскому комитету в Париже.

Если он будет задержан, уличающее его письмо будет найдено при нем, или у его отца, или в его каюте на «Фараоне».

— Ну вот, — сказал Данглар, — это похоже на дело, потому что такой донос никак не мог бы обернуться против вас самих, и все пошло бы само собой. Оставалось бы только сложить письмо вот так и надписать: «Господину королевскому прокурору». И все было бы кончено. — И Данглар, посмеиваясь, написал адрес.

— Да, все было бы кончено, — закричал Кадрусс, который, собрав последние остатки рассудка, следил за чтением письма и инстинктивно чувствовал, какие страшные последствия мог иметь подобный донос, — да, все было бы кончено, но это было бы подло!

И он протянул руку, чтобы взять письмо.

— Именно потому, — отвечал Данглар, отодвигая от него письмо, — все, что я говорю, и все, что я делаю, это только шутка, и я первый был бы весьма огорчен, если бы что-нибудь случилось с нашим славным Дантесом. Посмотри!

Он взял письмо, скомкал его и бросил в угол беседки.

— Вот это дело! — сказал Кадрусс. — Дантес — мой друг, и я не хочу, чтобы ему вредили.

— Да кто же думает ему вредить! Уж верно, не я и не Фернан! — сказал Данглар, вставая и посматривая на каталанца, который искоса поглядывал на бумагу, брошенную в угол.

— В таком случае, — продолжал Кадрусс, — еще вина! Я хочу выпить за здоровье Эдмона и прекрасной Мерседес.

— Ты и так уж слишком много пил, бражник, — сказал Данглар, — и если еще выпьешь, то тебе придется заночевать здесь, потому что ты не сможешь держаться на ногах.

— Я? — с пьяным хвастовством сказал Кадрусс, поднимаясь. — Я не могу держаться на ногах? Бьюсь об заклад, что взберусь на Аккульскую колокольню и даже не покачнусь.

— Хорошо, — прервал Данглар, — побьемся об заклад, но только завтра. А сегодня пора домой. Дай мне руку, и пойдем.

— Пойдем, — отвечал Кадрусс, — но мне не требуется твоей руки. А ты идешь, Фернан? Идешь с нами в Марсель?

— Нет, — сказал Фернан, — я пойду домой, в Каталаны.

— Напрасно; пойдем с нами в Марсель, пойдем.

— Мне незачем в Марсель, я не хочу туда.

— Как ты сказал? Не хочешь?.. Ну, ладно, как хочешь! Вольному воля... Пойдем, Данглар, а этот господин пусть идет в Каталаны, если ему угодно.

Данглар воспользовался уступчивостью Кадрусса и повел

его по марсельской дороге. Но только, чтобы оставить Фернану более короткий и удобный путь, он пошел не вдоль набережной Рив-Нев, а к воротам Сен-Виктор. Кадрусс, шатаясь, следовал за ним, повиснув у него на руке.

Пройдя шагов двадцать, Данглар обернулся и увидел, как Фернан бросился к измятому письму, схватил его и, выскочив из беседки, побежал к городу.

— Что же он делает? — сказал Кадрусс. — Он соврал: сказал, что пойдет в Каталаны, а сам идет в город. Эй, Фернан! Ты не туда идешь, приятель!

— Это у тебя в глазах мутится, — прервал Данглар, — он идет прямо к Старой Больнице.

— Правда? — сказал Кадрусс. — А я бы поклялся, что он свернул направо... Верно говорят, что вино — предатель.

— Дело как будто на мази, — прошептал Данглар, — теперь уж оно пойдет само собой.

V. ОБРУЧЕНИЕ

На следующий день утро выдалось теплое и ясное. Солнце встало яркое и сверкающее, и его первые пурпурные лучи расцветили рубинами пенистые гребни волн.

Пир был приготовлен во втором этаже того самого «Резерва», с беседкой которого мы уже знакомы. Это была большая зала, в шесть окон, и над каждым окном (бог весть почему) было начертано имя одного из крупнейших французских городов.

Вдоль этих окон шла галерея, деревянная, как и все здание.

Хотя обед назначен был только в полдень, однако уже с одиннадцати часов по галерее прогуливались нетерпеливые гости. То были моряки с «Фараона» и несколько солдат, приятелей Дантеса. Все они из уважения к жениху и невесте нарядились в парадное платье.

Среди гостей пронесся слух, что свадебный пир почтят своим присутствием хозяева «Фараона», но это была такая честь для Дантеса, что никто не решался этому поверить.

Однако Данглар, придя вместе с Кадруссом, в свою очередь подтвердил это известие. Утром он сам видел г-на Морреля, и г-н Моррель сказал ему, что будет обедать в «Резерве».

И в самом деле через несколько минут в залу вошел Моррель. Матросы приветствовали его дружными рукоплеска-

ниями. Присутствие арматора служило для них подтверждением уже распространившегося слуха, что Дантес будет назначен капитаном. Они очень любили Дантеса и выражали благодарность своему хозяину за то, что хоть раз его выбор совпал с их желаниями. Едва г-н Моррель вошел, как, по единодушному требованию, Данглара и Кадрусса послали к жениху с поручением известить его о прибытии арматора, появление которого возбудило всеобщую радость, и сказать ему, чтобы он поторопился.

Данглар и Кадрусс пустились бегом, но не пробежали и ста шагов, как встретили жениха и невесту.

Четыре каталанки, подруги Мерседес, провожали невесту; Эдмон вел ее под руку. Рядом с невестой шел старик Дантес, а сзади Фернан. Злобная улыбка кривила его губы.

Ни Мерседес, ни Эдмон не замечали этой улыбки. Они были так счастливы, что видели только себя и безоблачное небо, которое, казалось, благословляло их.

Данглар и Кадрусс исполнили возложенное на них поручение; потом, крепко и дружески пожав руку Эдмону, заняли свои места — Данглар рядом с Фернаном, а Кадрусс рядом со стариком Дантесом, предметом всеобщего внимания.

Старик надел свой шелковый кафтан с гранеными стальными пуговицами. Его худые, но мускулистые ноги красовались в великолепных бумажных чулках с мушками, которые за версту отдавали английской контрабандой. На треугольной шляпе висел пук белых и голубых лент. Он опирался на витую палку, загнутую наверху, как античный посох. Словом, он ничем не отличался от щеголей 1796 года, прохаживавшихся во вновь открытых садах Люксембургского и Тюильрийского дворцов.

К нему, как мы уже сказали, присоединился Кадрусс, Кадрусс, которого надежда на хороший обед окончательно примирила с Дантесами, Кадрусс, у которого в уме осталось смутное воспоминание о том, что происходило накануне, как бывает, когда, проснувшись утром, сохраняешь в памяти тень сна, виденного ночью.

Данглар, подойдя к Фернану, пристально взглянул на обиженного поклонника. Фернан, шагая за будущими супругами, совершенно забытый Мерседес, которая в упоении юной любви ничего не видела, кроме своего Эдмона, — то бледнел, то краснел. Время от времени он посматривал в сторону Марсе-

ля и при этом всякий раз невольно вздрагивал. Казалось, Фернан ожидал или по крайней мере предвидел какое-то важное событие.

Дантес был одет просто. Служа в торговом флоте, он носил форму, среднюю между военным мундиром и штатским платьем, и его открытое лицо, просветленное радостью, было очень красиво.

Мерседес была хороша, как кипрская или хиосская гречанка, с черными глазами и коралловыми губками. Она шла шагом вольным и свободным, как ходят арлезианки и андалузки. Городская девушка попыталась бы, может быть, скрыть свою радость под вуалем или по крайней мере под бархатом ресниц, но Мерседес улыбалась и смотрела на всех окружающих, и ее улыбка и взгляд говорили так же откровенно, как могли бы сказать уста: «Если вы друзья мне, то радуйтесь со мною, потому что я поистине очень счастлива!»

Когда жених, невеста и провожатые подошли к «Резерву», г-н Моррель пошел к ним навстречу, окруженный матросами и солдатами, которым он повторил обещание, данное Дантесу, что он будет назначен капитаном на место покойного Леклера. Увидав его, Дантес выпустил руку Мерседес и уступил место г-ну Моррелю. Арматор и невеста, подавая пример гостям, взошли по лестнице в столовую, и еще добрых пять минут деревянные ступени скрипели под тяжелыми шагами гостей.

— Батюшка, — сказала Мерседес, остановившись у середины стола, — садитесь по правую руку от меня, прошу вас, а по левую я посажу того, кто заменил мне брата, — прибавила она с лаской в голосе, которая кинжалом ударила Фернана в самое сердце. Губы его посинели, и видно было, как под загорелой кожей вся кровь, приливая к сердцу, отхлынула от лица.

Дантес возле себя посадил г-на Морреля и Данглара: первого по правую, второго по левую сторону; потом сделал знак рукой, приглашая остальных рассаживаться, как им угодно.

Уже путешествовали вокруг стола румяные и пахучие аральские колбасы, лангусты в ослепительных латах, венерки с розовой раковиной, морские ежи, напоминающие каштаны с их колючей оболочкой, кловиссы, с успехом заменяющие южным гастрономам северные устрицы; словом, все те изысканные лакомства, которые волна выносит на песчаный берег и которые благодарные рыбаки называют общим именем «морские плоды».

— Какая тишина! — сказал старик Дантес, прихлебывая

желтое, как топаз, вино, принесенное и поставленное перед Мерседес самим хозяином. — Кто бы сказал, что здесь тридцать человек, которые только и ждут, чтобы побалагурить?

— Жених не всегда бывает весел, — заметил Кадрусс.

— Да, — подхватил Эдмон, — я слишком счастлив, чтобы быть веселым. Если вы это хотели сказать, сосед, то вы совершенно правы. Радость производит иногда странное действие, она гнетет, как печаль.

Данглар взглянул на Фернана, на лице которого отражалось каждое движение его души.

— Полноте! Или вы боитесь чего-нибудь? — спросил он. — Мне, напротив, кажется, что все ваши желания исполняются.

— Это-то и пугает меня, — отвечал Дантес. — Мне кажется, что человек не создан для такого легкого счастья! Счастье похоже на сказочные дворцы, двери которых стерегут драконы. Надобно бороться, чтобы овладеть ими, а я, право, не знаю, чем я заслужил счастье быть мужем Мерседес.

— Мужем!.. — сказал Кадрусс со смехом. — Нет еще, капитан; попробуй-ка разыгрывать мужа, так увидишь, как тебя примут.

Мерседес покраснела.

Фернан ерзал на стуле, вздрагивал при малейшем шуме и то и дело отирал пот, который выступал на его лбу, словно первые капли грозового дождя.

— Не стоит спорить из-за мелочей, сосед, — отвечал Эдмон Кадруссу, — Мерседес еще не жена мне, это верно... — Он посмотрел на часы. — Но через полтора часа она ею будет!

Все вскрикнули от удивления, кроме старика Дантеса, который широко осклабился, показывая еще крепкие зубы. Мерседес улыбнулась, но уже не покраснела. Фернан судорожно схватился за ручку своего ножа.

— Через полтора часа! — сказал Данглар, тоже побледнев. — Как так?

— Да, друзья мои, — отвечал Дантес, — благодаря содействию господина Морреля, которому, после моего отца, я обязан больше всех на свете, все препятствия устранены. Мы сделали денежный взнос, чтобы обойтись без оглашения, и в половине третьего марсельский мэр ждет нас в ратуше. А так как уже пробило четверть второго, то едва ли я очень ошибусь, если скажу, что через час и тридцать минут Мерседес будет называться госпожою Дантес.

Фернан закрыл глаза: огненный туман обжег ему веки; он

облокотился на стол, чтобы не упасть, и, несмотря на все свои усилия, не мог удержать стона, который потонул в хохоте и шумных возгласах гостей.

— Вот это дело — как вы находите? — сказал старик Дантес. — Это называется не терять времени! Вчера утром приехал. Сегодня в три часа женат! Только моряки так умеют!

— Но разные формальности, — нерешительно вставил Данглар, — контракт, бумаги?..

— Контракт! — сказал Дантес смеясь. — Контракт готов. У Мерседес ничего нет, у меня тоже! Все у нас общее... Это недолго было написать, да и стоит недорого.

Эта шутка вызвала новый взрыв хохота и рукоплесканий.

— Значит, мы присутствуем не на обручении, — сказал Данглар, — а попросту на свадьбе.

— Нет, — возразил Эдмон, — вы ничего не потеряете, будьте спокойны. Завтра утром я еду в Париж. Четыре дня туда, четыре дня обратно, один день на выполнение данного мне поручения, и девятого марта я буду здесь, а десятого числа будет настоящий свадебный пир.

Надежда на новое пиршество удвоила общую веселость, так что старик Дантес, который в начале обеда жаловался на тишину, теперь среди общего шума тщетно пытался предложить тост за счастье будущих супругов.

Дантес угадал мысль отца и отвечал ему улыбкой, полной любви. Мерседес посмотрела на стенные часы и кивнула Эдмону.

За столом царило то шумное и непринужденное веселье, которое всегда сопровождает конец обеда у простых людей. Недовольные своими местами встали из-за стола и подсели к другим, более приятным собеседникам. Все говорили зараз, никто не отвечал на вопросы, каждый был занят только своими собственными мыслями.

Данглар был почти так же бледен, как Фернан; что же касается последнего, то он еле дышал и казался грешником, погруженным в огненное озеро. Он встал одним из первых и прохаживался по зале, напрягая слух среди гула голосов и стука стаканов.

Кадрусс подошел к Фернану, и тотчас же к ним присоединился Данглар, которого Фернан, казалось, избегал.

— Что верно, то верно, — сказал Кадрусс, в котором радующие Эдмона и доброе вино старика Памфила окончательно заглушили зависть, зародившуюся в его душе при виде неожиданного счастья Дантеса. — Дантес — славный малый;

гляжу я на него, как он сидит со своей невестой, и думаю: нехорошо было бы сыграть с ним ту скверную штуку, которую вы вчера задумали.

— Да ведь ты видел, что мы не дали ей ходу, — сказал Данглар. — Бедный Фернан был в таком отчаянии, что сначала мне стало жаль его; но раз он примирился со своим горем, даже согласился быть шафером у своего соперника, так и говорить больше нечего.

Кадрусс взглянул на Фернана. Тот был мертвенно бледен.

— Жертва тем более велика, что невеста в самом деле красавица, — продолжал Данглар. — Черт возьми! Мой будущий капитан — счастливчик! Хотел бы я зваться Дантесом хоть один денек.

— Идем? — раздался нежный голос Мерседес. — Вот уже бьет два часа, а нас ждут в четверть третьего.

— Да, да, идем, — сказал Дантес, быстро вставая.

— Идем! — хором подхватили гости.

В ту же минуту Данглар, который пристально следил за Фернаном, сидевшим на подоконнике, увидел, что тот дико вытаращил глаза, привскочил и снова сел на подоконник. Снаружи донесся неясный шум; стук тяжелых шагов, невнятные голоса и бряцание оружия заглушили веселый говор гостей, который сразу сменился тревожным молчанием.

Шум приближался; в дверь три раза ударили. Гости с изумлением переглянулись.

— Именем закона! — раздался громкий голос; никто не ответил.

Тотчас дверь отворилась, и полицейский комиссар, опоясанный шарфом, вошел в залу в сопровождении четырех вооруженных солдат и капрала.

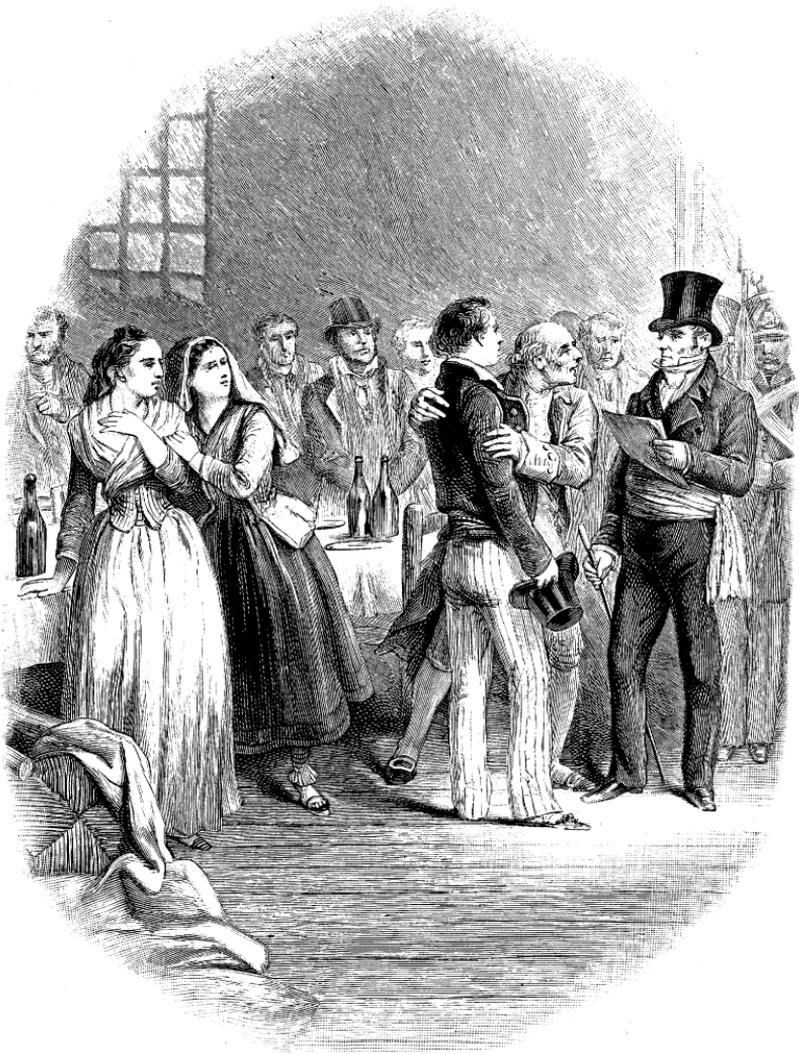
Тревога сменилась ужасом.

— В чем дело? — спросил арматор, подходя к комиссару, с которым был знаком. — Это, наверно, недоразумение.

— Если это недоразумение, господин Моррель, — отвечал комиссар, — то можете быть уверены, что оно быстро разъяснится, а пока у меня есть приказ об аресте, и хоть я с сожалением исполняю этот долг, я все же должен его исполнить. Кто из вас, господа, Эдмон Дантес?

Все взгляды обратились на Эдмона, который в сильном волнении, но сохраняя достоинство, выступил вперед и сказал:

— Я. Что вам угодно?

— Эдмон Дантес, — сказал комиссар, — именем закона я вас арестую!

— Арестуете? — переспросил Эдмон, слегка побледнев. — За что вы меня арестуете?

— Не знаю, но на первом допросе вы все узнаете.

Моррель понял, что делать нечего: комиссар, опоясанный шарфом, — не человек; это статуя, воплощающая закон, холодная, глухая, безмолвная.

Но старик Дантес бросился к комиссару; есть вещи, которые сердце отца или матери понять не может. Он просил, умолял. Слезы и мольбы были напрасны. Но отчаяние его было так велико, что комиссар почувствовал сострадание.

— Успокойтесь, сударь! — сказал он. — Может быть, ваш сын не исполнил каких-нибудь карантинных или таможенных предписаний, и, когда он даст нужные разъяснения, его, вероятно, тотчас же освободят.

— Что это значит? — спросил, нахмутив брови, Кадрусс у Данглара, который притворялся удивленным.

— Я почему знаю! — отвечал Данглар. — Я, как и ты, вижу, что делается, ничего не понимаю и дивлюсь.

Кадрусс искал глазами Фернана, но тот исчез.

Тогда вся вчерашняя сцена представилась ему с ужасающей ясностью: разыгравшаяся трагедия словно сдернула покров, который вчерашнее опьянение набросило на его память.

— Уж не последствия ли это шутки, о которой вы говорили вчера? — сказал он хрипло. — В таком случае горе тому, кто ее затеял, — в ней веселого мало.

— Да нет же! — воскликнул Данглар. — Ведь ты знаешь, что я разорвал записку.

— Ты не разорвал ее, — сказал Кадрусс, — а бросил в угол, только и всего.

— Молчи, ты ничего не видел, ты был пьян.

— Где Фернан? — спросил Кадрусс.

— Почему я знаю? — отвечал Данглар. — Верно, ушел по своим делам. Но чем заниматься пустяками, пойдем лучше поможем несчастному старику.

Дантес уже успел с улыбкой подать руки всем своим друзьям и отдался в руки солдат.

— Будьте спокойны, ошибка объяснится, и, вероятно, я даже не дойду до тюрьмы, — сказал он.

— О, разумеется, я готов поручиться! — подхватил подошедший Данглар.

Дантес спустился с лестницы. Впереди него шел комиссар, по бокам — солдаты. Карета с раскрытой дверцей ждала у порога. Дантес сел, с ним сели комиссар и два солдата. Дверца захлопнулась, и карета покатила в Марсель.

— Прощай, Дантес! Прощай, Эдмон! — закричала Мерседес, выбегая на галерею.

Узник услышал этот последний крик, вырвавшийся, словно рыдание, из растерзанного сердца его невесты, выгля-

нул в окно кареты, крикнул: «До свидания, Мерседес!» — и исчез за углом форта Св. Николая.

— Подождите меня здесь, — сказал арматор, — я сяду в первую карету, какая мне встретится, съезжу в Марсель и вернусь к вам с известиями.

— Поезжайте, — закричали все в один голос, — поезжайте и возвращайтесь поскорее!

После этого двойного отъезда среди оставшихся несколько минут царило мрачное уныние.

Отец Эдмона и Мерседес долго стояли врозь, погруженные каждый в свою скорбь; наконец глаза их встретились. Оба почувствовали, что они две жертвы, пораженные одним и тем же ударом, и бросились друг другу в объятия.

В это время в залу воротился Фернан, налил себе стакан воды, выпил и сел на стул.

Случайно на соседний стул опустилась Мерседес.

Фернан невольно отодвинул свой стул.

— Это он! — сказал Данглару Кадрусс, не спускавший глаз с каталанца.

— Не думаю, — отвечал Данглар, — он слишком глуп; во всяком случае, грех на том, кто это сделал.

— Ты забываешь о том, кто ему посоветовал, — сказал Кадрусс.

— Ну, знаешь! — ответил Данглар. — Если бы пришлось отвечать за все то, что говоришь на ветер!

— Должен отвечать, когда то, что говоришь на ветер, падает другому на голову!

Между тем гости на все лады истолковывали арест Дантеса.

— А вы, Данглар, — спросил чей-то голос, — что думаете об этом?

— Я думаю, — отвечал Данглар, — не провез ли он каких-нибудь запрещенных товаров.

— Но вы, Данглар, как бухгалтер, должны были бы знать об этом.

— Да, конечно, но бухгалтер знает только то, что ему предъявляют. Я знаю, что мы привезли хлопчатую бумагу, вот и все; что мы взяли груз в Александрии у Пастре и в Смирне у Паскаля; больше у меня ничего не спрашивайте.

— О! Теперь я вспоминаю, — прошептал несчастный отец, цепляясь за последнюю надежду. — Он говорил мне вчера, что привез для меня ящик кофе и ящик табаку.

— Вот видите, — сказал Данглар, — так и есть! В наше от-

сутствие таможенники обыскали «Фараон» и нашли контрабанду.

Мерседес этому не верила. Долго сдерживаемое горе вдруг вырвалось наружу, и она разразилась рыданиями.

— Полно, полно, будем надеяться, — сказал старик, сам не зная, что говорит.

— Будем надеяться! — повторил Данглар.

«Будем надеяться!» — хотел сказать Фернан, но слова застряли у него в горле, только губы беззвучно шевелились.

— Господа! — закричал один из гостей, стороживший на галерее. — Господа, карета! Моррель! Он, наверное, везет нам хорошие вести!

Мерседес и старик отец бросились навстречу арматору. Они столкнулись в дверях. Моррель был очень бледен.

— Ну что? — спросили они в один голос.

— Друзья мои! — отвечал арматор, качая головой. — Дело оказалось гораздо серьезнее, чем мы думали.

— О, господин Моррель! — вскричала Мерседес. — Он невиновен!

— Я в этом убежден, — отвечал Моррель, — но его обвиняют...

— В чем же? — спросил старик Дантес.

— В том, что он бонапартистский агент.

Те из читателей, которые жили в эпоху, к которой относится мой рассказ, помнят, какое это было страшное обвинение.

Мерседес вскрикнула; старик упал на стул.

— Все-таки, — прошептал Кадрусс, — вы меня обманули, Данглар, и шутка сыграна; но я не хочу, чтобы бедный старик и невеста умерли с горя, я сейчас же расскажу им все.

— Молчи, несчастный! — крикнул Данглар, хватая его за руку. — Молчи, если тебе дорога жизнь. Кто тебе сказал, что Дантес не виновен? Корабль заходил на остров Эльба, Дантес сходил на берег, пробыл целый день в Порто-Феррайо. Что, если при нем найдут какое-нибудь уличающее письмо? Тогда всех, кто за него заступится, обвинят в сообщничестве.

Кадрусс, с присущим эгоизму чутьем, сразу понял всю вескость этих доводов; он посмотрел на Данглара растерянным взглядом и, вместо того чтобы сделать шаг вперед, отскочил на два шага назад.

— Если так, подождем, — прошептал он.

— Да, подождем, — сказал Данглар. — Если он невино-

вен, его освободят; если виновен, то не стоит подвергать себя опасности ради заговорщика.

— Тогда уйдем, я больше не в силах оставаться здесь.

— Пожалуй, пойдем, — сказал Данглар, обрадовавшись, что ему есть с кем уйти. — Пойдем, и пусть они делают как знают...

Все разошлись. Фернан, оставшись опять единственной опорой Мерседес, взял ее за руку и отвел в Каталаны. Друзья Дантеса, со своей стороны, отвели домой, на Мельянские аллеи, обессиленного старика.

Вскоре слух об аресте Дантеса как бонапартистского агента разнесся по всему городу.

— Кто бы мог подумать, Данглар? — сказал Моррель, нагнав своего бухгалтера и Кадрussa. Он спешил в город за новостями о Дантесе, надеясь на свое знакомство с помощником королевского прокурора, г-ном де Вильфор. — Кто бы мог подумать?

— Что вы хотите, сударь, — отвечал Данглар. — Я же говорил вам, что Дантес без всякой причины останавливался у острова Эльба; эта остановка показалась мне подозрительной.

— А вы рассказывали о ваших подозрениях кому-нибудь, кроме меня?

— Как можно, — прибавил Данглар вполголоса. — Вы сами знаете, что из-за вашего дядюшки, господина Поликара Морреля, который служил при *том* и не скрывает своих мыслей, и вас подозревают, что вы жалеете о Наполеоне... Я побоялся бы повредить Эдмону, а также и вам. Есть вещи, которые подчиненный обязан сообщать своему хозяину и строго хранить в тайне от всех других.

— Правильно, Данглар, правильно, вы честный малый! Зато я уже позаботился о вас на случай, если бы этот бедный Дантес занял место капитана на «Фараоне».

— Как так?

— Да, я заранее спросил Дантеса, что он думает о вас и согласен ли оставить вас на прежнем месте; не знаю почему, но мне казалось, что между вами холодок.

— И что же он вам ответил?

— Что был такой случай, — он не сказал, какой именно, — когда он действительно в чем-то провинился перед вами, но что он всегда готов доверять тому, кому доверяет его арматор.

— Притворщик! — прошептал Данглар.

— Бедный Дантес! — сказал Кадрусс. — Он был такой славный!

— Да, но пока что «Фараон» без капитана, — сказал Моррель.

— Раз мы выйдем в море не раньше чем через три месяца, — сказал Данглар, — то можно надеяться, что за это время Эдмона освободят.

— Конечно, но до тех пор?

— А до тех пор, господин Моррель, я к вашим услугам, — сказал Данглар. — Вы знаете, что я умею управлять кораблем не хуже любого капитана дальнего плавания; вам даже выгодно будет взять меня, потому что, когда Эдмон выйдет из тюрьмы, вам некого будет и благодарить. Он займет свое место, а я — свое, только и всего.

— Благодарю вас, Данглар, — сказал арматор, — это действительно выход. Итак, примите командование, я вас уполномочиваю, и наблюдайте за разгрузкой, дело не должно страдать, какое бы несчастье ни постигало отдельных людей.

— Будьте спокойны, господин Моррель; но нельзя ли будет хоть навесить бедного Эдмона?

— Я это сейчас узнаю; я попытаюсь увидаться с господином де Вильфор и замолвить ему словечко за арестованного. Знаю, что он отъявленный роялист, но хоть он роялист и королевский прокурор, однако ж все-таки человек, и притом, кажется, не злой.

— Нет, не злой, но я слышал, что он честолюбив, а это почти одно и то же.

— Словом, увидим, — сказал Моррель со вздохом. — Ступайте на борт, я скоро буду.

И он направился к зданию суда.

— Видишь, какой оборот принимает дело? — сказал Данглар Кадруссу. — Тебе все еще охота заступаться за Дантеса?

— Разумеется, нет, но все-таки ужасно, что шутка могла иметь такие последствия.

— Кто шутил? Не ты и не я, а Фернан. Ты же знаешь, что я бросил записку; кажется, даже разорвал ее.

— Нет, нет! — вскричал Кадрусс. — Я как сейчас вижу ее в углу беседки, измятую, скомканную, и очень желал бы, чтобы она была там, где я ее вижу!

— Что ж делать? Верно, Фернан поднял ее, переписал или велел переписать, а то, может быть, даже и не взял на себя этого труда... Боже мой! Что, если он послал мою же записку! Хорошо, что я изменил почерк.

— Так ты знал, что Дантес — заговорщик?

— Я ровно ничего не знал. Я тебе уже говорил, что хотел пошутить, и только. По-видимому, я, как арлекин, шутя, сказал правду.

— Все равно, — продолжал Кадрусс, — я дорого бы дал, чтобы всего этого не было или по крайней мере чтобы я не был в это дело замешан. Ты увидишь, оно принесет нам несчастье, Данглар.

— Если оно должно принести кому-нибудь несчастье, так только настоящему виновнику, а настоящий виновник — Фернан, а не мы. Какое несчастье может случиться с нами? Нам нужно только сидеть спокойно, ни слова не говорить, и гроза пройдет без грома.

— Аминь, — сказал Кадрусс, кивнув Данглару, и направился к Мельянским аллеям, качая головой и бормоча себе под нос, как делают сильно озабоченные люди.

«Так, — подумал Данглар, — дело принимает оборот, какой я предвидел; вот я капитан, пока на время, а если этот дурак Кадрусс сумеет молчать, то и навсегда. Остается только тот случай, если правосудие выпустит Дантеса из своих когтей... Но правосудие есть правосудие, — улыбнулся он, — я вполне на него могу положиться».

Он прыгнул в лодку и велел грести к «Фараону», где арматор, как мы помним, назначил ему свидание.

VI. ПОМОЩНИК КОРОЛЕВСКОГО ПРОКУРОРА

В тот же самый день, в тот же самый час, на улице Гран-Кур, против фонтана Медуз, в одном из старых аристократических домов, выстроенных архитектором Пюже, тоже праздновали обручение.

Но герои этого празднества были не простые люди, не матросы и солдаты, они принадлежали к высшему марсельскому обществу. Это были старые сановники, вышедшие в отставку при узурпаторе; военные, бежавшие из французской армии в армию Конде; молодые люди, которых родители, — все еще не уверенные в их безопасности, хотя уже поставили за них по четыре или по пять рекрутов, — воспитали в ненависти к тому, кого пять лет изгнания должны были превратить в мученика, а пятнадцать лет Реставрации — в бога.

Все сидели за столом, и разговор кипел всеми страстями

того времени, страстями особенно неистовыми и ожесточенными, потому что на юге Франции уже пятьсот лет политическая вражда усугубляется враждой религиозной.

Император, ставший королем острова Эльба, после того как он был властителем целого материка, и правящий населением в пять-шесть тысяч душ, после того как сто двадцать миллионов подданных на десяти языках кричали ему: «Да здравствует Наполеон!» — казался всем участникам пира человеком, навсегда потерянным для Франции и престола. Савонники вспоминали его политические ошибки, военные рассуждали о Москве и Лейпциге, женщины — о разводе с Жозефиной. Этому роялистскому сборищу, которое радовалось — не падению человека, а уничтожению принципа, — казалось, что для него начинается новая жизнь, что оно очнулось от мучительного кошмара.

Осанистый старик, с орденом св. Людовика на груди, встал и предложил своим гостям выпить за короля Людовика XVIII. То был маркиз де Сен-Меран.

Этот тост в честь гартвельского изгнанника и короля — умиротворителя Франции был встречен громкими кликами; по английскому обычаю, все подняли бокалы; женщины откололи свои букеты и усеяли ими скатерть. В этом едином порыве была почти поэзия.

— Они признали бы, — сказала маркиза де Сен-Меран, женщина с сухим взглядом, тонкими губами, аристократическими манерами, еще изящная, несмотря на свои пятьдесят лет, — они признали бы, будь они здесь, все эти революционеры, которые нас выгнали и которым мы даем спокойно злоумышлять против нас в наших старинных замках, купленных ими за кусок хлеба во времена Террора, — они признали бы, что истинное самоотвержение было на нашей стороне, потому что мы остались верны рушившейся монархии, а они, напротив, приветствовали восходившее солнце и наживали состояния, в то время как мы разорялись. Они признали бы, что наш король поистине был Людовик Возлюбленный, а их узурпатор всегда оставался Наполеоном Проклятым; правда, де Вильфор?

— Что прикажете, маркиза?.. Простите, я не слушал.

— Оставьте детей, маркиза, — сказал старик, предложивший тост. — Сегодня их помолвка, и им, конечно, не до политики.

— Простите, мама, — сказала молодая и красивая девушка, белокурая, с бархатными глазами, подернутыми влагой, —

это я завладела господином де Вильфор. Господин де Вильфор, мама хочет говорить с вами.

— Я готов отвечать маркизе, если ей будет угодно повторить вопрос, которого я не расслышал, — сказал г-н де Вильфор.

— Я прощаю тебе, Рене, — сказала маркиза с нежной улыбкой, которую странно было видеть на этом холодном лице; но сердце женщины так уж создано, что, как бы ни было оно иссушено предрассудками и требованиями этикета, в нем всегда остается плодородный и живой уголок — тот, в который бог заключил материнскую любовь. — Я говорила, Вильфор, что у бонапартистов нет ни нашей веры, ни нашей преданности, ни нашего самоотвержения.

— Сударыня, у них есть одно качество, заменяющее все наши, — это фанатизм. Наполеон — Магомет Запада; для всех этих людей низкого происхождения, но необыкновенно честолюбивых он не только законодатель и владыка, но еще символ — символ равенства.

— Равенства! — воскликнула маркиза. — Наполеон — символ равенства? А что же тогда господин де Робеспьер? Мне кажется, вы похищаете его место и отдаете корсиканцу; казалось бы, довольно и одной узурпации.

— Нет, сударыня, — возразил Вильфор, — я оставляю каждого на его пьедестале: Робеспьера — на площади Людовика Пятнадцатого, на эшафоте; Наполеона — на Вандомской площади, на его колонне. Но только один вводил равенство, которое принижает, а другой — равенство, которое возвышает; один низвел королей до уровня гильотины, другой возвысил народ до уровня трона. Это не мешает тому, — прибавил Вильфор, смеясь, — что оба они — гнусные революционеры и что девятое термидора и четвертое апреля тысяча восемьсот четырнадцатого года — два счастливых дня для Франции, которые одинаково должны праздновать друзья порядка и монархии; но этим объясняется также, почему Наполеон, даже поверженный — и, надеюсь, навсегда, — сохранил ревностных сторонников. Что вы хотите, маркиза? Кромвель был только половиной Наполеона, а и то имел их!

— Знаете, Вильфор, все это за версту отдает революцией. Но я вам прощаю, — ведь нельзя же быть сыном жирондиста и не сохранить революционный душок.

Краска выступила на лице Вильфора.

— Мой отец был жирондист, это правда; но мой отец не голосовал за смерть короля; он подвергался гонениям в дни

Террора, как и вы, и чуть не сложил голову на том самом эшафоте, на котором скатилась голова вашего отца.

— Да, — отвечала маркиза, на лице которой ничем не отразилось это кровавое воспоминание, — только они взошли бы на эшафот ради диаметрально противоположных принципов, и вот вам доказательство: все наше семейство сохранило верность изгнанным Бурбонам, а ваш отец тотчас же примкнул к новому правительству; гражданин Нуартье был жирондистом, а граф Нуартье стал сенатором.

— Мама, — сказала Рене, — вы помните наше условие: никогда не возвращаться к этим мрачным воспоминаниям.

— Сударыня, — сказал Вильфор, — я присоединяюсь к мадемуазель де Сен-Меран и вместе с нею покорнейше прошу вас забыть о прошлом. К чему осуждать то, перед чем даже божья воля бессильна? Бог властен преобразить будущее; в прошлом он ничего не может изменить. Мы можем если не отречься от прошлого, то хотя бы набросить на него покров. Я, например, отказался не только от убеждений моего отца, но даже от его имени. Отец мой был или, может статься, и теперь еще бонапартист и зовется Нуартье; я — роялист и зовусь де Вильфор. Пусть высыхают в старом дубе революционные соки; вы смотрите только на ветвь, которая отделилась от него и не может, да, пожалуй, и не хочет оторваться от него совсем.

— Bravo, Вильфор! — вскричал маркиз. — Bravo! Хорошо сказано! Я тоже всегда убеждал маркизу забыть о прошлом, но без успеха; вы будете счастливее, надеюсь.

— Хорошо, — сказала маркиза, — забудем о прошлом, я сама этого хочу; но зато Вильфор должен быть непреклонен в будущем. Не забудьте, Вильфор, что мы поручились за вас перед его величеством, что его величество согласился забыть, по нашему ручательству (она протянула ему руку), как и я забываю, по вашей просьбе. Но если вам попадет в руки какой-нибудь заговорщик, помните: за вами тем строже следят, что вы принадлежите к семье, которая, быть может, сама находится в сношениях с заговорщиками.

— Увы, сударыня, — отвечал Вильфор, — моя должность и особенно время, в которое мы живем, обязывают меня быть строгим. И я буду строг. Мне уже несколько раз случалось поддерживать обвинение по политическим делам, и в этом отношении я хорошо себя зарекомендовал. К сожалению, это еще не конец.

— Вы думаете? — спросила маркиза.

— Я этого опасаясь. Остров Эльба — слишком близок к Франции. Присутствие Наполеона почти в виду наших берегов поддерживает надежду в его сторонниках. Марсель кишит военными, состоящими на половинном жалованье; они беспрестанно ищут повода для ссоры с роялистами. Отсюда — дуэли между светскими людьми, а среди простонародья — поножовщина.

— Да, — сказал граф де Сальвьё, старый друг маркиза де Сен-Меран и камергер графа д'Артуа. — Но вы разве не знаете, что Священный Союз хочет переселить его?

— Да, об этом шла речь, когда мы уезжали из Парижа, — отвечал маркиз. — Но куда же его пошлют?

— На Святую Елену.

— На Святую Елену! Что это такое? — спросила маркиза.

— Остров, в двух тысячах миль отсюда, по ту сторону экватора, — отвечал граф.

— В добрый час! Вильфор прав, безумие оставлять такого человека между Корсикой, где он родился, Неаполем, где еще царствует его зять, и Италией, из которой он хотел сделать королевство для своего сына.

— К сожалению, — сказал Вильфор, — имеются договоры тысяча восемьсот четырнадцатого года, и нельзя тронуть Наполеона, не нарушив этих договоров.

— Так их нарушат! — сказал граф де Сальвьё. — Он не был особенно щепетилен, когда приказал расстрелять несчастного герцога Энгийенского.

— Отлично, — сказала маркиза, — решено: Священный Союз избавит Европу от Наполеона, а Вильфор избавит Марсель от его сторонников. Либо король царствует, либо нет; если он царствует, его правительство должно быть сильно и его исполнители — непоколебимы; только таким образом можно предотвратить зло.

— К сожалению, сударыня, — сказал Вильфор с улыбкой, — помощник королевского прокурора всегда видит зло, когда оно уже совершилось.

— Так он должен его исправить.

— Я мог бы сказать, сударыня, что мы не исправляем зло, а мстим за него, и только.

— Ах, господин де Вильфор, — сказала молоденькая и хорошенькая девица, дочь графа де Сальвьё, подруга мадемуазель де Сен-Меран, — постарайтесь устроить какой-нибудь интересный процесс, пока мы еще в Марселе. Я никогда не видала суда присяжных, а это, говорят, очень любопытно.

— Да, в самом деле, очень любопытно, — отвечал помощник королевского прокурора. — Это уже не искусственная трагедия, а подлинная драма; не притворные страдания, а страдания настоящие. Человек, которого вы видите, по окончании спектакля идет не домой, ужинать со своим семейством и спокойно лечь спать, чтобы завтра начать сначала, а в тюрьму, где его ждет палач. Так что для нервных особ, ищущих сильных ощущений, не может быть лучшего зрелища. Будьте спокойны — если случай представится, я не премину воспользоваться им.

— От его слов нас бросает в дрожь... а он смеется! — сказала Рене, побледнев.

— Что прикажете?... Это поединок... Я уже пять или шесть раз требовал смертной казни для подсудимых, политических и других... Кто знает, сколько сейчас во тьме точится кинжалов или сколько их уже обращено на меня!

— Боже мой! — вскричала Рене. — Неужели вы говорите серьезно, господин де Вильфор?

— Совершенно серьезно, — отвечал Вильфор с улыбкой. — И от этих занимательных процессов, которых графиня жаждет из любопытства, а я из честолюбия, опасность для меня только усилится. Разве эти наполеоновские солдаты, привыкшие слепо идти на врага, рассуждают, когда надо выпустить пулю или ударить штыком? Неужели у них дрогнет рука убить человека, которого они считают своим личным врагом, когда они, не задумываясь, убивают русского, австрийца или венгерца, которого они и в глаза не видали? К тому же опасность необходима; иначе наше ремесло не имело бы оправдания. Я сам воспаляюсь, когда вижу в глазах обвиняемого вспышку ярости: это придает мне силы. Тут уже не тяжба, а битва; я борюсь с ним, он защищается, я наношу новый удар, и битва кончается, как всякая битва, победой или поражением. Вот что значит выступать в суде! Опасность порождает красноречие. Если бы обвиняемый улыбнулся мне после моей речи, то я решил бы, что говорил плохо, что слова мои были бледны, слабы, невыразительны. Представьте себе, какая гордость наполняет душу прокурора, убежденного в виновности подсудимого, когда он видит, что преступник бледнеет и склоняет голову под тяжестью улик и под разящими ударами его красноречия! Голова преступника склоняется и падает!

Рене тихо вскрикнула.

— Как говорит! — заметил один из гостей.

— Вот такие люди и нужны в наше время, — сказал другой.

— В последнем процессе, — подхватил третий, — вы были великолепны, Вильфор. Помните — негодяй, который зарезал своего отца? Вы буквально убили его, прежде чем до него дотронулся палач.

— О, отцеубийцы — этих мне не жаль. Для таких людей нет достаточно тяжкого наказания, — сказала Рене. — Но несчастные политические преступники...

— Они еще хуже, Рене, потому что король — отец народа, и хотеть свергнуть или убить короля — значит хотеть убить отца тридцати двух миллионов людей.

— Все равно, господин де Вильфор, — сказала Рене. — Обещайте мне, что будете снисходительны к тем, за кого я буду просить вас...

— Будьте спокойны, — отвечал Вильфор с очаровательной улыбкой, — мы будем вместе писать обвинительные акты.

— Дорогая моя, — сказала маркиза, — занимайтесь своими колибри, собачками и тряпками и предоставьте вашему будущему мужу делать свое дело. Теперь оружие отдыхает и тога в почете; об этом есть прекрасное латинское изречение.

— *Cedant arma togae*¹, — сказал Вильфор.

— Я не решилась сказать по-латыни, — отвечала маркиза.

— Мне кажется, что мне было бы приятнее видеть вас врачом, — продолжала Рене. — Карающий ангел, хоть он и ангел, всегда страшил меня.

— Добрая моя Рене! — прошептал Вильфор, бросив на молодую девушку взгляд, полный любви.

— Господин де Вильфор, — сказал маркиз, — будет нравственным и политическим врачом нашей провинции; поверь мне, дочка, это почетная роль.

— И это поможет забыть роль, которую играл его отец, — вставила неисправимая маркиза.

— Сударыня, — отвечал Вильфор с грустной улыбкой, — я уже имел честь докладывать вам, что отец мой, как я по крайней мере надеюсь, отрекся от своих былых заблуждений, что он стал ревностным другом религии и порядка, лучшим роялистом, чем я, ибо он роялист по раскаянию, а я — только по страсти.

И Вильфор окинул взглядом присутствующих, как он это

¹ Оружие да уступит тоге (лат.).

делал в суде после какой-нибудь великолепной тирады, проверяя действие своего красноречия на публику.

— Правильно, Вильфор, — сказал граф де Сальвьё, — эти же слова я сказал третьего дня в Тюильри министру двора, который выразил удивление по поводу брака между сыном жирондиста и дочерью офицера, служившего в армии Конде, и министр отлично понял меня. Сам король покровительствует этому способу объединения. Мы и не подозревали, что он слушает нас, а он вдруг вмешался в разговор и говорит: «Вильфор (заметьте, король не сказал Нуартье, а подчеркнул имя Вильфор), Вильфор, — сказал король, — пойдет далеко; это молодой человек уже вполне сложившийся и принадлежит к моему миру. Я с удовольствием узнал, что маркиз и маркиза де Сен-Меран выдают за него свою дочь, и я сам посоветовал бы им этот брак, если бы они не явились первые ко мне просить позволения».

— Король это сказал, граф? — воскликнул восхищенный Вильфор.

— Передаю вам собственные его слова; и если маркиз захочет быть откровенным, то сознается, что эти же слова король сказал ему самому, когда он, полгода назад, сообщил королю о своем намерении выдать за вас свою дочь.

— Это верно, — подтвердил маркиз.

— Так, значит, я всем обязан королю! Чего я не сделаю, чтобы послужить ему!

— Таким вы мне нравитесь, — сказала маркиза. — Пусть теперь явится заговорщик — добро пожаловать!

— А я, мама, — сказала Рене — молю бога, чтобы он вас не услышал и чтобы он посылал господину де Вильфор только мелких воришек, беспомощных банкротов и робких жуликов; тогда я буду спать спокойно.

— Это все равно что желать врачу одних мигреней, веснушек, осиных укусов и тому подобное, — сказал Вильфор со смехом. — Если вы хотите видеть меня королевским прокурором, пожелайте мне, напротив, страшных болезней, исцеление которых делает честь врачу.

В эту минуту, словно судьба только и ждала пожелания Вильфора, вошел лакей и сказал ему несколько слов на ухо.

Вильфор, извинившись, вышел из-за стола и воротился через несколько минут с довольной улыбкой на губах.

Рене посмотрела на своего жениха с восхищением: его голубые глаза сверкали на бледном лице, окаймленном черными бакенбардами; в эту минуту он и в самом деле был очень

красив. Рене с нетерпением ждала, чтобы он объяснил причину своего внезапного исчезновения.

— Вы только что выразили желание иметь мужем доктора, — сказал Вильфор, — так вот у меня с учениками Эскулапа (так еще говорили в тысяча восемьсот пятнадцатом году) есть некоторое сходство: я не могу располагать своим временем. Меня нашли даже здесь, подле вас, в день нашего обречения.

— А почему вас вызвали? — спросила молодая девушка с легким беспокойством.

— Увы, из-за больного, который, если верить тому, что мне сообщили, очень плох. Случай весьма серьезный, и болезнь грозит эшафотом.

— Боже! — вскричала Рене, побледнев.

— Что вы говорите! — воскликнули гости в один голос.

— По-видимому, речь идет не более и не менее как о бонапартистском заговоре.

— Неужели! — вскричала маркиза.

— Вот что сказано в доносе.

И Вильфор прочел:

— «Приверженец престола и веры уведомляет господина королевского прокурора о том, что Эдмон Дантес, помощник капитана на корабле «Фараон», прибывшем сегодня из Смирны с заходом в Неаполь и Порто-Феррайо, имел от Мюрата письмо к узурпатору, а от узурпатора письмо к бонапартистскому комитету в Париже.

Если он будет задержан, уличающее его письмо будет найдено при нем, или у его отца, или в его каюте на «Фараоне».

— Позвольте, — сказала Рене, — это письмо не подписано и адресовано не вам, а королевскому прокурору.

— Да, но королевский прокурор в отлучке; письмо подали его секретарю, которому поручено распечатывать почту; он вскрыл это письмо, послал за мной и, не застав меня дома, сам отдал приказ об аресте.

— Так виновный арестован? — спросила маркиза.

— То есть обвиняемый, — поправила Рене.

— Да, арестован, — отвечал Вильфор, — и, как я уже говорил мадемуазель Рене, если у него найдут письмо, то мой пациент опасно болен.

— А где этот несчастный? — спросила Рене.

— Ждет у меня.

— Ступайте, друг мой, — сказал маркиз, — не пренебрегайте вашими обязанностями. Королевская служба требует

вашего личного присутствия; ступайте же, куда вас призывает королевская служба.

— Ах, господин де Вильфор! — воскликнула Рене, умоляюще сложив руки. — Будьте снисходительны, сегодня день нашего обручения.

Вильфор обошел вокруг стола и, облокотившись на спинку стула, на котором сидела его невеста, сказал:

— Ради вашего спокойствия обещаю вам сделать все, что можно. Но если улики бесспорны, если обвинение справедливо, придется скосить эту бонапартистскую сорную траву.

Рене вздрогнула при слове «скосить», ибо у этой сорной травы, как выразился Вильфор, была голова.

— Не слушайте ее, Вильфор, — сказала маркиза, — это ребячество; она привыкнет.

И маркиза протянула Вильфору свою сухую руку, которую он поцеловал, глядя на Рене; глаза его говорили: «Я целую вашу руку или по крайней мере хотел бы поцеловать».

— Печальное предзнаменование! — прошептала Рене.

— Перестань, Рене, — сказала маркиза. — Ты выводешь меня из терпения своими детскими выходками. Желала бы я знать, что важнее — судьба государства или твои чувствительные фантазии?

— Ах, мама, — вздохнула Рене.

— Маркиза, простите нашу плохую роялистку, — сказал де Вильфор, — обещаю вам, что исполню долг помощника королевского прокурора со всем усердием, то есть буду беспощаден.

Но в то время как помощник прокурора говорил эти слова маркизе, жених украдкой посылал взгляд невесте, и взгляд этот говорил: «Будьте спокойны, Рене; ради вас я буду снисходителен».

Рене отвечала ему нежной улыбкой, и Вильфор удалился, преисполненный блаженства.

VII. ДОПРОС

Выйдя из столовой, Вильфор тотчас же сбросил с себя маску веселости и принял торжественный вид, подобающий человеку, на которого возложен высший долг — решать участь своего ближнего. Однако, несмотря на подвижность своего лица, которой он часто, как искусный актер, учился перед зеркалом, на этот раз ему трудно было нахмурить брови и ом-

рачить чело. И в самом деле, если не считать политического прошлого его отца, которое могло повредить его карьере, если от него не отмежеваться решительно, Жерар де Вильфор был в эту минуту так счастлив, как только может быть счастлив человек: располагая солидным состоянием, он занимал в двадцать семь лет видное место в судебном мире; он был женихом молодой и красивой девушки, которую любил не страстно, но разумно, как может любить помощник королевского прокурора. Мадемуазель де Сен-Меран была не только красива, но вдобавок принадлежала к семейству, бывшему в большой милости при дворе. Кроме связей своих родителей, которые, не имея других детей, могли целиком воспользоваться ими в интересах своего зятя, невеста приносила ему пятьдесят тысяч экю приданого, к коему, ввиду *надежд* (ужасное слово, выдуманное свахами), могло со временем прибавиться полумиллионное наследство. Все это, вместе взятое, составляло итог блаженства до того ослепительный, что Вильфор находил пятна даже на солнце, если перед тем долго смотрел в свою душу внутренним взором.

У дверей его ждал полицейский комиссар. Вид этой мрачной фигуры заставил его спуститься с высоты седьмого неба на брэнную землю, по которой мы ходим; он придал своему лицу подобающее выражение и подошел к полицейскому.

— Я готов! — сказал он. — Я прочел письмо, вы хорошо сделали, что арестовали этого человека; теперь сообщите мне о нем и о заговоре все сведения, какие вы успели собрать.

— О заговоре мы еще ничего не знаем; все бумаги, найденные при нем, запечатаны в одну связку и лежат на вашем столе. Что же касается самого обвиняемого, то его зовут, как вы изволили видеть из самого доноса, Эдмон Дантес, он служит помощником капитана на трехмачтовом корабле «Фараон», который возит хлопок из Александрии и Смирны и принадлежит марсельскому торговому дому «Моррель и Сын».

— До поступления на торговое судно он служил во флоте?

— О, нет! Это совсем молодой человек.

— Каких лет?

— Лет девятнадцати-двадцати, не больше.

Когда Вильфор, пройдя улицу Гран-рю, уже подходил к своему дому, к нему приблизился человек, по-видимому, его поджидавший. То был г-н Моррель.

— Господин де Вильфор! — вскричал он. — Как хорошо, что я застал вас! Подумайте, произошла страшная ошибка, арестовали моего помощника капитана, Эдмона Дантеса.

— Знаю, — отвечал Вильфор, — я как раз иду допрашивать его.

— Господин де Вильфор, — продолжал Моррель с жаром, — вы не знаете обвиняемого, а я его знаю. Представьте себе человека, самого тихого, честного и, я готов сказать, самого лучшего знатока своего дела во всем торговом флоте... Господин де Вильфор! Прошу вас за него от всей души.

Вильфор, как мы уже видели, принадлежал к аристократическому лагерю, а Моррель — к плебейскому; первый был крайний роялист, второго подозревали в тайном бонапартизме. Вильфор свысока посмотрел на Морреля и холодно ответил:

— Вы знаете, сударь, что можно быть тихим в домашнем кругу, честным в торговых сношениях и знатоком своего дела и тем не менее быть преступником в политическом смысле. Вы это знаете, правда, сударь?

Вильфор сделал ударение на последних словах, как бы намекая на самого Морреля; испытующий взгляд его старался проникнуть в самое сердце этого человека, который дерзал просить за другого, хотя он не мог не знать, что сам нуждается в снисхождении.

Моррель покраснел, потому что совесть его была не совсем чиста в отношении политических убеждений, притом же тайна, доверенная ему Дантесом о свидании с маршалом и о словах, которые ему сказал император, смущала его ум. Однако он сказал с искренним участием:

— Умоляю вас, господин де Вильфор, будьте справедливы, как вы должны быть, и добры, как вы всегда бываете, и поскорее верните нам бедного Дантеса!

В этом «верните нам» уху помощника королевского прокурора почудилась революционная нотка.

«Да! — подумал он. — «Верните нам»... Уж не принадлежит ли этот Дантес к какой-нибудь секте карбонариев, раз его покровитель так неосторожно говорит во множественном числе? Помнится, комиссар сказал, что его взяли в кабаке, и притом в многолюдной компании, — это какая-нибудь тайная ложа».

Он продолжал вслух:

— Вы можете быть совершенно спокойны, сударь, и вы не напрасно просите справедливости, если обвиняемый не виновен; если же, напротив, он виновен, мы живем в трудное время, и безнаказанность может послужить пагубным примером. Поэтому я буду вынужден исполнить свой долг.

Он поклонился с ледяной учтивостью и величественно вошел в свой дом, примыкающий к зданию суда, а бедный арматор, как окаменелый, остался стоять на улице.

Передняя была полна жандармов и полицейских; среди них, окруженный пылающими ненавистью взглядами, спокойно и неподвижно стоял арестант.

Вильфор, пересекая переднюю, искоса взглянул на Дантеса и, взяв из рук полицейского пачку бумаг, исчез за дверью, бросив на ходу:

— Введите арестанта.

Как ни был мимолетен взгляд, брошенный Вильфором на арестанта, он все же успел составить себе мнение о человеке, которого ему предстояло допросить. Он прочел ум на его широком и открытом челе, мужество в его упорном взоре и нахмуренных бровях и прямодушие в его полных полуоткрытых губах, за которыми блестели два ряда зубов, белых, как слононовая кость.

Первое впечатление было благоприятно для Дантеса; но Вильфору часто говорили, что политическая мудрость повелевает не поддаваться первому порыву, потому что это всегда голос сердца; и он приложил это правило к первому впечатлению, забыв о разнице между впечатлением и порывом.

Он задушил добрые чувства, которые пытались ворваться к нему в сердце, чтобы оттуда завладеть его умом, принял перед зеркалом торжественный вид и сел, мрачный и грозный, за свой письменный стол.

Через минуту вошел Дантес.

Он был все так же бледен, но спокоен и приветлив; он с непринужденной учтивостью поклонился своему судье, потом поискал глазами стул, словно находился в гостинной арматора Морреля.

Тут только встретил он тусклый взгляд Вильфора — взгляд, свойственный блюстителям правосудия, которые не хотят, чтобы кто-нибудь читал их мысли, и потому превращают свои глаза в матовое стекло. Этот взгляд дал почувствовать Дантесу, что он стоит перед судом.

— Кто вы и как ваше имя? — спросил Вильфор, перебирая бумаги, поданные ему в передней; за какой-нибудь час дело уже успело вырасти в довольно объемистую тетрадь: так быстро язва шпионства разъедает несчастное тело, именуемое обвиняемым.

— Меня зовут Эдмон Дантес, — ровным и звучным голо-

сом отвечал юноша, — я помощник капитана на корабле «Фараон», принадлежащем фирме «Моррель и Сын».

— Сколько вам лет? — продолжал Вильфор.

— Девятнадцать, — отвечал Дантес.

— Что вы делали, когда вас арестовали?

— Я обедал с друзьями по случаю моего обручения, — отвечал Дантес слегка дрогнувшим голосом, настолько мучителен был контраст между радостным празднеством и мрачной церемонией, которая совершалась в эту минуту, между хмурым лицом Вильфора и лучезарным личиком Мерседес.

— По случаю вашего обручения? — повторил помощник прокурора, невольно вздрогнув.

— Да, я женюсь на девушке, которую люблю уже три года.

Вильфор, вопреки своему обычному бесстрастию, был все же поражен таким совпадением, и взволнованный голос юноши пробудил сочувственный отзвук в его душе. Он тоже любил свою невесту, тоже был счастлив, и вот его радости помешали, для того чтобы он разрушил счастье человека, который, подобно ему, был так близок к блаженству.

«Такое философическое сопоставление, — подумал он, — будет иметь большой успех в гостиной маркиза де Сен-Меран»; и, пока Дантес ожидал дальнейших вопросов, он начал подбирать в уме антиязы, из которых ораторы строят блестящие фразы, рассчитанные на аплодисменты и подчас принимаемые за истинное красноречие.

Сочинив в уме изящный спич, Вильфор улыбнулся и сказал, обращаясь к Дантесу:

— Продолжайте.

— Что же мне продолжать?

— Осведомите правосудие.

— Пусть правосудие скажет мне, о чем оно желает быть осведомлено, и я ему скажу все, что знаю. Только, — прибавил он с улыбкою, — предупреждаю, что я знаю мало.

— Вы служили при узурпаторе?

— Меня должны были зачислить в военный флот, когда он пал.

— Говорят, вы весьма крайних политических убеждений, — сказал Вильфор, которому об этом никто ничего не говорил, но он решил на всякий случай предложить этот вопрос в виде обвинения.

— Мои политические убеждения!.. Увы, мне стыдно признаться, но у меня никогда не было того, что называется убеждениями, мне только девятнадцать лет, как я уже имел честь

доложить вам; я ничего не знаю, никакого видного положения я занять не могу; всем, что я есть и чем я стану, если мне дадут то место, о котором я мечтаю, я буду обязан одному господину Моррелю. Поэтому все мои убеждения, и то не политические, а частные, сводятся к трем чувствам: я люблю моего отца, уважаю господина Морреля и обожаю Мерседес. Вот, милостивый государь, все, что я могу сообщить правосудию; как видите, все это для него мало интересно.

Пока Дантес говорил, Вильфор смотрел на его честное, открытое лицо и невольно вспомнил слова Рене, которая, не зная обвиняемого, просила о снисхождении к нему. Привыкнув иметь дело с преступлением и преступниками, помощник прокурора в каждом слове Дантеса видел новое доказательство его невиновности. В самом деле, этот юноша, почти мальчик, простодушный, откровенный, красноречивый тем красноречием сердца, которое никогда не дается, когда его ищешь, полный любви ко всем, потому что был счастлив, а счастье и самых злых превращает в добрых, — изливал даже на своего судью нежность и доброту, переполнявшие его душу. Вильфор был с ним суров и строг, а у Эдмона во взоре, в голосе, в движениях не было ничего, кроме приязни и доброжелательности к тому, кто его допрашивал.

«Честное слово, — подумал Вильфор, — вот славный мальчик, и, надеюсь, мне нетрудно будет угодить Рене, исполнив первую ее просьбу; этим я заслужу сердечное рукопожатие при всех, а в уголке, тайком, нежный поцелуй».

От этой сладостной надежды лицо Вильфора прояснилось, и когда, оторвавшись от своих мыслей, он перевел взгляд на Дантеса, Дантес, следивший за всеми переменами его лица, тоже улыбнулся.

— У вас есть враги? — спросил Вильфор.

— Враги? — сказал Дантес. — Я, по счастью, еще так мало значу, что не успел нажить их. Может быть, я немного вспылчив, но я всегда старался укрощать себя в отношениях с подчиненными. У меня под началом человек десять-двенадцать матросов. Спросите их, милостивый государь, и они вам скажут, что любят и уважают меня не как отца, — я еще слишком молод для этого, — а как старшего брата.

— Если у вас нет врагов, то, может быть, есть завистники. Вам только девятнадцать лет, а вас назначают капитаном, это высокая должность в вашем звании; вы женитесь на красивой девушке, которая вас любит, а это редкое счастье во всех

званиях мира. Вот две веские причины, чтобы иметь завистников.

— Да, вы правы. Вы, верно, лучше меня знаете людей, а может быть, это и так. Но если эти завистники из числа моих друзей, то я предпочитаю не знать, кто они, чтобы мне не пришлось их ненавидеть.

— Это неверно. Всегда надо, насколько можно, ясно видеть окружающее. И, сказать по правде, вы кажетесь мне таким достойным молодым человеком, что для вас я решаюсь отступить от обычных правил правосудия и помочь вам раскрыть истину... Вот донос, который возводит на вас обвинение. Узнаете почерк?

Вильфор вынул из кармана письмо и протянул его Дантесу. Дантес посмотрел, прочел, нахмурил лоб и сказал:

— Нет, я не знаю этой руки; почерк искажен, но довольно тверд. Во всяком случае, это писала искусная рука. Я очень счастлив, — прибавил он, глядя на Вильфора с благодарностью, — что имею дело с таким человеком, как вы, потому что действительно этот завистник — настоящий враг!

По молнии, блеснувшей в глазах юноши при этих словах, Вильфор понял, сколько душевной силы скрывается под его наружной кротостью.

— А теперь, — сказал Вильфор, — отвечайте мне откровенно, не как обвиняемый судьей, а как человек, попавший в беду, отвечает человеку, который принимает в нем участие: есть ли правда в этом безымянном доносе?

И Вильфор с отвращением бросил на стол письмо, которое вернул ему Дантес.

— Все правда, и в то же время ни слова правды; а вот чистая правда, клянусь честью моряка, клянусь моей любовью к Мерседес, клянусь жизнью моего отца!

— Говорите, — сказал Вильфор.

И прибавил про себя: «Если бы Рене могла меня видеть, надеюсь, она была бы довольна мною и не называла бы меня палачом».

— Так вот: когда мы вышли из Неаполя, капитан Леклер заболел нервной горячкой; на корабле не было врача, а он не хотел приставать к берегу, потому что очень спешил на остров Эльба, и потому состояние его так ухудшилось, что на третий день, почувствовав приближение смерти, он позвал меня к себе.

«Дантес, — сказал он, — поклянитесь мне честью, что ис-

полните поручение, которое я вам дам; дело чрезвычайно важное».

«Клянусь, капитан», — отвечал я.

«Так как после моей смерти командование переходит к вам как помощнику капитана, вы примете командование, возьмете курс на остров Эльба, остановитесь в Порто-Феррайо, пойдете к маршалу и отдадите ему это письмо; может быть, там дадут вам другое письмо или еще какое-нибудь поручение. Это поручение должен был получить я; вы, Дантес, исполните его вместо меня, и вся заслуга будет ваша».

«Исполню, капитан, но, может быть, не так-то легко добраться до маршала?»

«Вот кольцо, которое вы попросите ему передать, — сказал капитан, — это устранит все препятствия».

И с этими словами он дал мне перстень. Через два часа он впал в беспамятство, а на другой день скончался.

— И что же вы сделали?

— То, что я должен был сделать, то, что всякий другой сделал бы на моем месте. Просьба умирающего всегда священна; но у нас, моряков, просьба начальника — это приказание, которое нельзя не исполнить. Итак, я взял курс на Эльбу и прибыл туда на другой день; я всех оставил на борту и один сошел на берег. Как я и думал, меня не хотели допустить к маршалу; но я послал ему перстень, который должен был служить условным знаком; и все двери раскрылись передо мной. Он принял меня, расспросил о смерти бедного Леклера и, как тот и предвидел, дал мне письмо, приказав лично доставить его в Париж. Я обещал, потому что это входило в исполнение последней воли моего капитана. Прибыв сюда, я устроил все дела на корабле и побежал к моей невесте, которая показалась мне еще прекрасней и милей прежнего. Благодаря господину Моррелю мы уладили все церковные формальности; и вот, как я уже говорил вам, я сидел за обедом, готовился через час вступить в брак и думал завтра же ехать в Париж, как вдруг по этому доносу, который вы, по-видимому, теперь так же презираете, как и я, меня арестовали.

— Да, да, — проговорил Вильфор, — все это кажется мне правдой, и если вы в чем виновны, так только в неосторожности; да и неосторожность ваша оправдывается приказанием капитана. Отдайте нам письмо, взятое вами на острове Эльба, дайте честное слово, что явитесь по первому требованию, и возвращайтесь к вашим друзьям.

— Так я свободен! — вскричал Дантес вне себя от радости.

— Да, только отдайте мне письмо.

— Оно должно быть у вас, его взяли у меня вместе с другими моими бумагами, и я узнаю некоторые из них в этой связке.

— Постойте, — сказал Вильфор Дантесу, который взялся уже было за шляпу и перчатки, — постойте! Кому адресовано письмо?

— Господину Нуартье, улица Кок-Эрон, в Париже.

Если бы гром обрушился на Вильфора, он не поразил бы его таким быстрым и внезапным ударом; он упал в кресло, с которого привстал, чтобы взять связку с бумагами, захваченными у Дантеса, и, лихорадочно порывшись в них, вынул роковое письмо, устремив на него взгляд, полный невыразимого ужаса.

— Господину Нуартье, улица Кок-Эрон, номер тринадцать, — прошептал он, побледнев еще сильнее.

— Точно так, — сказал изумленный Дантес. — Разве вы его знаете?

— Нет, — быстро ответил Вильфор, — верный слуга короля не знается с заговорщиками.

— Стало быть, речь идет о заговоре? — спросил Дантес, который, после того как уже считал себя свободным, почувствовал, что дело принимает другой оборот. — Во всяком случае, я уже сказал вам, что ничего не знал о содержании этого письма.

— Да, — сказал Вильфор глухим голосом, — но вы знаете имя того, кому оно адресовано!

— Чтобы отдать письмо лично ему, я должен был знать его имя.

— И вы никому его не показывали? — спросил Вильфор, читая письмо и все более и более бледнея.

— Никому, клянусь честью!

— Никто не знает, что вы везли письмо с острова Эльба к господину Нуартье?

— Никто, кроме того, кто вручил мне его.

— И это еще много, слишком много! — прошептал Вильфор.

Лицо его становилось все мрачнее, по мере того как он читал; его бледные губы, дрожащие руки, пылающие глаза внушали Дантесу самые дурные предчувствия.

Прочитав письмо, Вильфор схватился за голову и замер.

— Что с вами, сударь? — робко спросил Дантес.

Вильфор не отвечал, потом поднял бледное, искаженное лицо и еще раз перечел письмо.

— И вы уверяете, что ничего не знаете о содержании этого письма? — сказал Вильфор.

— Повторяю и клянусь честью, что не знаю ничего. Но что с вами? Вам дурно? Хотите, я позвоню? Позову кого-нибудь?

— Нет, — сказал Вильфор, быстро вставая, — стойте на месте и молчите; здесь я приказываю, а не вы.

— Простите, — обиженно сказал Дантес, — я только хотел помочь вам.

— Мне ничего не нужно. Минутная слабость — только и всего. Думайте о себе, а не обо мне. Отвечайте.

Дантес ждал вопроса, но тшетно; Вильфор опустился в кресло, нетвердой рукой отер пот с лица и в третий раз принялся перечитывать письмо.

— Если он знает, что тут написано, — прошептал он, — и если он когда-нибудь узнает, что Нуартье — отец Вильфора, то я погиб, погиб безвозвратно!

И он время от времени взглядывал на Эдмона, как будто его взгляды могли проникнуть сквозь невидимую стену, ограждающую в сердце тайну, о которой молчат уста.

— Нечего сомневаться! — воскликнул он вдруг.

— Ради самого неба, — сказал несчастный юноша, — если вы сомневаетесь во мне, если вы подозреваете меня, допрашивайте. Я готов отвечать вам.

Вильфор сделал над собой усилие и голосом, которому он старался придать уверенность, сказал:

— Вследствие ваших показаний на вас ложатся самые тяжкие обвинения; поэтому я не властен тотчас же отпустить вас, как надеялся. Прежде чем решиться на такой шаг, я должен снестись со следователем. А пока вы видели, как я отнесся к вам.

— О да, и я благодарю вас! — вскричал Дантес. — Вы обошлись со мною не как судья, а как друг.

— Ну, так вот, я задержу вас еще на некоторое время, надеюсь ненадолго, главная улика против вас — это письмо, и вы видите...

Вильфор подошел к камину, бросил письмо в огонь и подождал, пока оно сгорело.

— Вы видите, — продолжал он, — я уничтожил его.

— Вы больше, чем правосудие, — вскричал Дантес, — вы само милосердие!

— Но выслушайте меня, — продолжал Вильфор. — После такого поступка вы, конечно, понимаете, что можете довериться мне.

— Приказывайте, я исполню ваши приказания.

— Нет, — сказал Вильфор, подходя к Дантесу, — нет, я не собираюсь вам приказывать; я хочу только дать вам совет, понимаете?

— Говорите, я исполню ваш совет, как приказание.

— Я оставлю вас здесь, в здании суда, до вечера. Может быть, кто-нибудь другой будет вас допрашивать. Говорите все, что вы мне рассказывали, но ни полслова о письме!

— Обещаю, сударь.

Теперь Вильфор, казалось, умолял, а обвиняемый успокаивал судью.

— Вы понимаете, — продолжал Вильфор, поглядывая на пепел, сохранявший еще форму письма, — теперь письмо уничтожено. Только вы да я знаем, что оно существовало; его вам не предъявят; если вам станут говорить о нем, отрицайте, отрицайте смело, и вы спасены.

— Я буду отрицать, не беспокойтесь, — сказал Дантес.

— Хорошо, — сказал Вильфор и взялся за звонок; потом помедлил немного и спросил: — У вас было только это письмо?

— Только это.

— Поклянитесь!

Дантес поднял руку.

— Клянусь! — сказал он.

Вильфор позвонил.

Вошел полицейский комиссар.

Вильфор сказал ему на ухо несколько слов; комиссар отвечал кивком головы.

— Ступайте за комиссаром, — сказал Вильфор Дантесу.

Дантес поклонился, еще раз бросил на Вильфора благодарный взгляд и вышел.

Едва дверь затворилась, как силы изменили Вильфору, и он упал в кресло почти без чувств.

Через минуту он прошептал:

— Боже мой! От чего иногда зависит жизнь и счастье!.. Если бы королевский прокурор был в Марселе, если бы вместо меня вызвали следователя, я бы погиб!.. И это письмо, это проклятое письмо, ввергло бы меня в пропасть!.. Ах, отец, отец! Неужели ты всегда будешь мешать моему счастью на земле? Неужели я должен вечно бороться с твоим прошлым?

Но вдруг его словно осенило: на искривленных губах по-

явилась улыбка; его блуждающий взгляд, казалось, остановился на какой-то мысли.

— Да, да, — вскричал он, — это письмо, которое должно было погубить меня, может стать источником моего счастья... Ну, Вильфор, за дело!

И, удостоверившись, что обвиняемого уже нет в передней, помощник королевского прокурора тоже вышел и быстрыми шагами направился к дому своей невесты.

VIII. ЗАМОК ИФ

Полицейский комиссар, выйдя в переднюю, сделал знак двум жандармам. Один стал по правую сторону Дантеса, другой по левую. Отворилась дверь, которая выходила в здание суда, и арестованного повели по одному из тех длинных и мрачных коридоров, где трепет охватывает даже тех, у кого нет никаких причин трепетать.

Как квартира Вильфора примыкала к зданию суда, так здание суда примыкало к тюрьме, угрюмому сооружению, на которое с любопытством смотрит всеми своими зияющими отверстиями возвышающаяся перед ним Аккульская колокольня.

Сделав несколько поворотов по коридору, Дантес увидел дверь с решетчатым окошком. Комиссар ударил три раза железным молотком, и Дантесу показалось, что молоток бьет по его сердцу. Дверь отворилась, жандармы слегка подтолкнули арестанта, который все еще стоял в растерянности. Дантес переступил через порог, и дверь с шумом захлопнулась за ним. Он дышал уже другим воздухом, спертым и тяжелым; он был в тюрьме.

Его отвели в камеру, довольно опрятную, но с тяжелыми засовами и решетками на окнах. Вид нового жилища не вселил в него особого страха; притом же слова, сказанные помощником королевского прокурора с таким явным участием, раздавались у него в ушах как обнадеживающее утешение.

Было четыре часа пополудни, когда Дантеса привели в камеру. Все это происходило, как мы уже сказали, 28 февраля; арестант скоро очутился в темноте.

Тотчас же слух его обострился вдвое. При малейшем шуме, доносившемся до него, он вскакивал и бросался к двери, думая, что за ним идут, чтобы возвратить ему свободу; но шум

исчезал в другом направлении, и Дантес снова опускался на скамью.

Наконец, часов в десять вечера, когда Дантес начинал терять надежду, послышался новый шум, который на этот раз, несомненно, приближался к его камере. Потом в коридоре раздались шаги и остановились у двери; ключ повернулся в замке, засовы заскрипели, и плотная дубовая дверь отворилась, впустив в темную камеру ослепительный свет двух факелов.

При свете их Дантес увидел, как блеснули ружья и палаши четырех жандармов.

Он бросился было вперед, но тут же остановился при виде этой усиленной охраны.

— Вы за мной? — спросил Дантес.

— Да, — отвечал один из жандармов.

— По приказу помощника королевского прокурора?

— Разумеется.

— Хорошо, — сказал Дантес, — я готов следовать за вами.

Уверенность, что за ним пришли от имени де Вильфора, рассеяла все опасения бедного юноши; спокойно и непринужденно он вышел и сам занял место посреди жандармов.

У дверей тюрьмы стояла карета; на козлах сидел кучер, рядом с кучером — пристав.

— Эта карета для меня? — спросил Дантес.

— Для вас, — ответил один из жандармов, — садитесь.

Дантес хотел возразить, но дверца отворилась, и его втолкнули в карету. Он не мог, да и не хотел сопротивляться; в одно мгновение он очутился на заднем сиденье, между двумя жандармами; двое других сели напротив, и тяжелый экипаж покатил со зловещим грохотом.

Узник посмотрел на окна; они были забраны железной решеткой. Он только переменял тюрьму; новая тюрьма была на колесах и катилась к неизвестной цели. Сквозь частые прутья, между которыми едва можно было просунуть руку, Дантес все же разглядел, что его провезли по улице Кессари, а затем по улицам Сен-Лоран и Тарамис спустились к набережной.

Немного погодя сквозь решетку окна и сквозь ограду памятника, мимо которого они ехали, он увидел огни портового управления.

Карета остановилась, пристав сошел с козел и подошел к кордегардии; оттуда вышли с десятков солдат и стали в две шеренги. Ружья их блестели в свете фонарей, горевших на набережной.

«Неужели все это ради меня?» — подумал Эдмон.

Отперев дверцу ключом, пристав молчаливо ответил на этот вопрос, ибо Дантес увидел между двумя рядами солдат оставленный для него узкий проход от кареты до набережной.

Два жандарма, сидевшие на переднем сиденье, вышли из кареты первые, за ними вышел он, а за ними и остальные два, сидевшие по бокам его. Все направились к лодке, которую таможенный служитель удерживал у берега за цепь. Солдаты смотрели на Дантеса с тупым любопытством. Его тотчас же посадили к рулю, между четырьмя жандармами, а пристав сел на носу. Сильный толчок отделил лодку от берега; четыре гребца принялись быстро грести по направлению к Пилону. По окрику с лодки цепь, заграждающая порт, опустилась, и Дантес очутился в так называемом Фриуле, то есть вне порта.

Первое ощущение арестанта, когда он выехал на свежий воздух, было ощущение радости. Воздух — почти свобода. Он полной грудью вдыхал живительный ветер, несущий на своих крыльях таинственные запахи ночи и моря. Скоро, однако, он горестно вздохнул: он плыл мимо «Резерва», где был так счастлив еще утром, за минуту до ареста; сквозь ярко освещенные окна до него доносились веселые звуки танцев.

Дантес сложил руки, поднял глаза к небу и стал молиться.

Лодка продолжала свой путь; она миновала Мертвую Голову, поравнялась с бухтой Фаро и начала огибать батарею; Дантес ничего не понимал.

— Куда же меня везут? — спросил он одного из жандармов.

— Сейчас узнаете.

— Однако...

— Нам запрещено говорить с вами.

Дантес был наполовину солдат; расспрашивать жандармов, которым запрещено отвечать, показалось ему нелепым, и он замолчал.

Тогда самые странные мысли закружились в его голове; в уютной лодке нельзя было далеко уехать, кругом не было ни одного корабля на якоре; он подумал, что его довезут до отдаленного места на побережье и там объявят, что он свободен. Его не связывали, не пытались надевать наручники; все это казалось ему добрым предзнаменованием; при этом разве не сказал ему помощник прокурора, такой добрый и ласковый, что если только он не произнесет рокового имени Нуартье, то ему нечего бояться? Ведь на его глазах Вильфор сжег опас-

ное письмо, единственную улику, которая имелась против него.

В молчании ждал он, чем все это кончится, глазом моряка, привыкшим в темноте измерять пространство, стараясь рассмотреть окрестность.

Остров Ратонно, на котором горел маяк, остался справа, и лодка, держась близко к берегу, подошла к Каталанской бухте. Взгляд арестанта стал еще зорче: здесь была Мерседес, и ему ежеминутно казалось, что на темном берегу вырисовывается неясный силуэт женщины.

Как предчувствие не шепнуло Мерседес, что ее возлюбленный в трехстах шагах от нее?

Во всех Каталанах только в одном окне горел огонь. Пригладевшись, Дантес убедился, что это комната его невесты. Только одна Мерседес не спала во всем селении. Если бы он громко закричал, голос его долетел бы до ее слуха. Ложный стыд удержал его. Что сказали бы жандармы, если бы он начал кричать, как иступленный? Поэтому он не раскрыл рта и проехал мимо, не отрывая глаз от огонька.

Между тем лодка подвигалась вперед; но арестант не думал о лодке, он думал о Мерседес. Наконец освещенное окошко скрылось за выступом скалы. Дантес обернулся и увидел, что лодка удаляется от берега.

Пока он был поглощен своими мыслями, весла заменили парусами, и лодка шла по ветру.

Хотя Дантесу не хотелось снова расспрашивать жандарма, однако же он придвинулся к нему и, взяв его за руку, сказал:

— Товарищи! Именем совести вашей и вашим званием солдата заклинаю: сжальтесь и ответьте мне. Я капитан Дантес, добрый и честный француз, хоть меня и обвиняют в какой-то измене. Куда вы меня везете? Скажите, я даю вам честное слово моряка, что я исполню свой долг и покорюсь судьбе.

Жандарм почесал затылок и посмотрел на своего товарища. Тот сделал движение, которое должно было означать: «Теперь уж, кажется, можно сказать», и жандарм повернулся к Дантесу:

— Вы уроженец Марсея и моряк, и еще спрашиваете, куда мы едем?

— Да, честью уверяю, что не знаю.

— Вы не догадываетесь?

— Нет.

— Не может быть.

— Клянусь всем священным в мире! Скажите, ради бога!

— А приказ?

— Приказ не запрещает вам сказать мне то, что я все равно узнаю через десять минут, через полчаса или, быть может, через час. Вы только избавите меня от целой вечности сомнений. Я прошу вас, как друга. Смотрите, я не собираюсь ни сопротивляться, ни бежать. Да это и невозможно. Куда мы едем?

— Либо вы ослепли, либо вы никогда не выходили из марсельского порта; иначе вы не можете не угадать, куда вас везут.

— Не могу.

— Так гляньте вокруг.

Дантес встал, посмотрел в ту сторону, куда направлялась лодка, и увидел в ста саженях перед собою черную отвесную скалу, на которой высился мрачный замок Иф.

Этот причудливый облик, эта тюрьма, которая вызывает такой беспредельный ужас, эта крепость, которая уже триста лет питает Марсель своими жуткими преданиями, возникнув внезапно перед Дантесом, и не помышлявшим о ней, произвела на него такое же действие, какое производит эшафот на приговоренного к смерти.

— Боже мой! — вскричал он. — Замок Иф? Зачем мы туда едем?

Жандарм улыбнулся.

— Но меня же не могут заключить туда! — продолжал Дантес. — Замок Иф — государственная тюрьма, предназначенная только для важных политических преступников. Я никакого преступления не совершил. Разве в замке Иф есть какие-нибудь следователи, какие-нибудь судьи?

— Насколько я знаю, — сказал жандарм, — там имеется только комендант, тюремщики, гарнизон да крепкие стены. Полно, полно, приятель, не представляйтесь удивленным, не то я, право, подумаю, что вы платите мне насмешкой за мою доброту.

Дантес сжал руку жандарма так, что чуть не сломал ее.

— Так вы говорите, что меня везут в замок Иф и там остаются?

— Вероятно, — сказал жандарм, — но, во всяком случае, незачем жать мне руку так крепко.

— Без всякого следствия? Без всяких формальностей?

— Все формальности выполнены, следствие закончено.

— И невзирая на обещание господина де Вильфор?

— Я не знаю, что вам обещал господин де Вильфор, — сказал жандарм, — знаю только, что мы едем в замок Иф. Эге! Да что вы делаете? Ко мне, товарищи! Держите!

Движением быстрым, как молния, и все же не ускользнувшим от опытного глаза жандарма, Дантес хотел броситься в море, но четыре сильных руки схватили его в ту самую минуту, когда ноги его отделились от днища.

Он упал в лодку, рыча от ярости.

— Эге, брат! — сказал жандарм, упираясь ему коленом в грудь. — Так-то ты держишь честное слово моряка! Вот и полагайся на тихонь! Ну, теперь, любезный, только шевельнись, и я влеплю тебе пулю в лоб! Я послушался первого пункта приказа, но не беспокойся, второй будет выполнен в точности.

И он действительно приставил дуло своего ружья к виску Дантеса. В первое мгновение Дантес хотел сделать роковое движение и покончить с неожиданным бедствием, которое обрушилось на него и схватило в свои ястребиные когти. Но именно потому, что это бедствие было столь неожиданным, Дантес подумал, что оно не может быть продолжительным; потом он вспомнил обещание Вильфора; к тому же надо признаться, смерть на дне лодки от руки жандарма показалась ему гадкой и жалкой.

Он опустил на доски и в бессильном бешенстве впился зубами в свою руку.

Лодка покачнулась от сильного толчка. Один из гребцов прыгнул на утес, о который легкое суденышко ударилось носом, закричала веревка, разматываясь вокруг ворота, и Дантес понял, что они причаливают.

Жандармы, державшие его за руки и за шиворот, заставили его подняться, сойти на берег и потащили его к ступенькам, ведущим к крепостным воротам; сзади шел пристав, вооруженный ружьем с примкнутым штыком.

Впрочем, Дантес и не помышлял о бесполезном сопротивлении. Его медлительность происходила не от противодействия, а от апатии. У него кружилась голова, и он шатался, как пьяный. Он опять увидел два ряда солдат, выстроившихся на крутом откосе, почувствовал, что ступеньки принуждают его поднимать ноги, заметил, что вошел в ворота и что эти ворота закрылись за ним, но все это бессознательно, точно сквозь туман, не будучи в силах ничего различить. Он даже не видел моря, источника мучений для заключенных, которые

смотрят на его простор и с ужасом сознают, что бессильны преодолеть его.

Во время минутной остановки Дантес немного пришел в себя и огляделся. Он стоял на четырехугольном дворе, между четырьмя высокими стенами; слышался размеренный шаг часовых, и всякий раз, когда они проходили мимо двух-трех освещенных окон, ружья их поблескивали.

Они простояли минут десять. Зная, что Дантесу уже не убежать, жандармы выпустили его. Видимо, ждали приказаний; наконец раздался чей-то голос:

— Где арестант?

— Здесь, — отвечали жандармы.

— Пусть идет за мной, я проведу его в камеру.

— Ступайте, — сказали жандармы, подталкивая Дантеса.

Он пошел за проводником, который действительно привел его в полуподземную камеру; из голых и мокрых стен, казалось, сочились слезы. Поставленная на табурет плошка, фитиль которой плавал в каком-то вонючем жире, осветила лоснящиеся стены этого страшного жилища и проводника; это был человек плохо одетый, с грубым лицом — по всей вероятности, из низших слугителей тюрьмы.

— Вот вам камера на нынешнюю ночь, — сказал он. — Теперь уже поздно, и господин комендант лег спать. Завтра, когда он встанет и прочтет распоряжения, присланные на ваш счет, может быть, он назначит вам другую. А пока вот вам хлеб; тут, в этой кружке, вода; там, в углу, солома. Это все, чего может пожелать арестант. Спокойной ночи.

И прежде чем Дантес успел ответить ему, прежде чем он заметил, куда тюремщик положил хлеб, прежде чем он взглянул, где стоит кружка с водой, прежде чем он повернулся к углу, где лежала солома — его будущая постель, — тюремщик взял плошку и, закрыв дверь, лишил арестанта и того тусклого света, который показал ему, словно при вспышке зарницы, мокрые стены его тюрьмы.

Он остался один, среди тишины и мрака, немой, угрюмый, как своды подземелья, мертвящий холод которых он чувствовал на своем пылающем челе.

Когда первые лучи солнца едва осветили этот вертеп, тюремщик возвратился с приказом оставить арестанта здесь. Дантес стоял на том же месте. Казалось, железная рука пригвоздила его там, где он остановился накануне; только глаза его опухли от невыплаканных слез. Он не шевелился и смотрел в землю.

Он провел всю ночь стоя и ни на минуту не забылся сном.

Тюремщик подошел к нему, обошел вокруг него, но Дантес, казалось, его не видел.

Он тронул его за плечо. Дантес вздрогнул и покачал головой.

— Вы не спали? — спросил тюремщик.

— Не знаю, — отвечал Дантес.

Тюремщик посмотрел на него с удивлением.

— Вы не голодны? — продолжал он.

— Не знаю, — повторил Дантес.

— Вам ничего не нужно?

— Я хочу видеть коменданта.

Тюремщик пожал плечами и вышел.

Дантес проводил его взглядом, протянул руки к полуотворенной двери, но дверь захлопнулась.

Тогда громкое рыдание вырвалось из его груди. Накопившиеся слезы хлынули в два ручья. Он бросился на колени, прижал голову к полу и долго молился, припоминая в уме всю свою жизнь и спрашивая себя, какое преступление совершил он в своей столь еще юной жизни, чтобы заслужить такую жестокую кару.

Так прошел день. Дантес едва проглотил несколько крошек хлеба и выпил несколько глотков воды. Он то сидел, погруженный в думы, то кружил вдоль стен, как дикий зверь в железной клетке.

Одна мысль с особенной силой приводила его в неистовство: во время переезда, когда он, не зная, куда его везут, сидел так спокойно и беспечно, он мог бы десять раз броситься в воду и, мастерски умея плавать, умея нырять, как едва ли кто другой в Марселе, мог бы скрыться под водой, обмануть охрану, добраться до берега, бежать, спрятаться в какой-нибудь пустынной бухте, дожидаться генуэзского или каталонского корабля, перебраться в Италию или Испанию и оттуда написать Мерседес, чтобы она приехала к нему. О своем пропитании он не беспокоился: в какую бы страну ни бросила его судьба — хорошие моряки везде редкость; он говорил по-итальянски, как тосканец, по-испански, как истый сын Кастильи. Он жил бы свободным и счастливым, с Мерседес, с отцом, потому что выписал бы и отца. А вместо этого он арестант, запертый в замке Иф, в этой тюрьме, откуда нет возврата, и не знает, что случилось с отцом, что случилось с Мерседес; и все это из-за того, что он поверил слову Вильфора. Было от

чего сойти с ума, и Дантес в бешенстве катался по свежей соломке, которую принес тюремщик.

На другой день в тот же час явился тюремщик.

— Ну, что, — спросил он, — поумнели немного?

Дантес не отвечал.

— Да бросьте унывать! Скажите, чего бы вам хотелось. Ну, говорите!

— Я хочу видеть коменданта.

— Я уже сказал, что это невозможно, — отвечал тюремщик с досадой.

— Почему невозможно?

— Потому что тюремным уставом арестантам запрещено к нему обращаться.

— А что же здесь позволено? — спросил Дантес.

— Пища получше — за деньги, прогулка, иногда книги.

— Книг мне не нужно; гулять я не хочу, а пищей я доволен. Я хочу только одного — видеть коменданта.

— Если вы будете приставать ко мне с этим, я перестану носить вам еду.

— Ну, что ж? — отвечал Дантес. — Если ты перестанешь носить мне еду, я умру с голоду, вот и все!

Выражение, с которым Дантес произнес эти слова, показало тюремщику, что его узник был бы рад умереть; а так как всякий арестант приносит тюремщику круглым числом десять су дохода в день, то тюремщик Дантеса тотчас высчитал убыток, могущий произойти от его смерти, и сказал уже более ласково:

— Послушайте: то, о чем вы просите, невозможно; стало быть, и не просите больше; не было примера, чтобы комендант по просьбе арестанта являлся к нему в камеру; поэтому ведите себя смирно, вам разрешат гулять, а на прогулке, может статься, вы как-нибудь встретите коменданта. Тогда и обратитесь к нему, и если ему угодно будет ответить вам, так это уж его дело.

— А сколько мне придется ждать этой встречи?

— Кто знает? — сказал тюремщик. — Месяц, три месяца, полгода, может быть, год.

— Это слишком долго, — прервал Дантес, — я хочу видеть его сейчас же!

— Не упорствуйте в одном невыполнимом желании, или через две недели вы сойдете с ума.

— Ты думаешь? — сказал Дантес.

— Да, сойдете с ума; сумасшествие всегда так начинается.

У нас уже есть такой случай; здесь до вас жил аббат, который беспрестанно предлагал коменданту миллион за свое освобождение и на этом сошел с ума.

— А давно он здесь не живет?

— Два года.

— Его выпустили на свободу?

— Нет, посадили в карцер.

— Послушай, — сказал Дантес, — я не аббат и не сумасшедший; может быть, я и сойду с ума, но пока, к сожалению, я в полном рассудке; я предложу тебе другое.

— Что же?

— Я не стану предлагать тебе миллиона, потому что у меня его нет, но предложу тебе сто эку, если ты согласишься, когда поедешь в Марсель, заглянуть в Каталаны и передать письмо девушке, которую зовут Мерседес... даже не письмо, а только две строчки.

— Если я передам эти две строчки и меня поймают, я потеряю место, на котором получаю тысячу ливров в год, не считая дохода и стола; вы видите, я был бы дураком, если бы вздумал riskовать тысячей ливров, чтобы получить триста.

— Хорошо! — сказал Дантес. — Так слушай и запомни хорошо: если ты не отнесешь записки Мерседес или по крайней мере не дашь ей знать, что я здесь, то когда-нибудь я подкараулю тебя за дверью и, когда ты войдешь, разможжу тебе голову табуретом!

— Ага, угрозы! — закричал тюремщик, отступая на шаг и приговаривая к защите. — Положительно у вас голова не в порядке; аббат начал, как вы, и через три дня вы будете буйствовать, как он; хорошо, что в замке Иф есть карцеры.

Дантес поднял табурет и повертел им над головой.

— Ладно, ладно, — сказал тюремщик, — если уж вы непременно хотите, я уведомя коменданта.

— Давно бы так, — отвечал Дантес, ставя табурет на пол и садясь на него, с опущенной головой и блуждающим взглядом, словно он действительно начинал сходить с ума.

Тюремщик вышел и через несколько минут вернулся с четырьмя солдатами и капралом.

— По приказу коменданта, — сказал он, — переведите арестанта этажом ниже.

— В темную, значит, — сказал капрал.

— В темную; сумасшедших надо сажать с сумасшедшими.

Четверо солдат схватили Дантеса, который впал в какое-то забытие и последовал за ними без всякого сопротивления.

Они спустились вниз на пятнадцать ступеней; отворилась дверь темной камеры, в которую он вошел, бормоча:

— Он прав, сумасшедших надо сажать с сумасшедшими.

Дверь затворилась, и Дантес пошел вперед, вытянув руки, пока не дошел до стены; тогда он сел в угол и долго не двигался с места, между тем как глаза его, привыкнув мало-помалу к темноте, начали различать предметы.

Тюремщик не ошибся: Дантес был на волосок от безумия.

IX. ВЕЧЕР ДНЯ ОБРУЧЕНИЯ

Вильфор, как мы уже сказали, отправился опять на улицу Гран-Кур и, войдя в дом г-жи де Сен-Меран, застал гостей уже не в столовой, а в гостиной, за чашками кофе.

Рене ждала его с нетерпением, которое разделяли и прочие гости. Поэтому его встретили радостными восклицаниями.

— Ну, головорез, оплот государства, роялистский Брут! — крикнул один из гостей. — Что случилось? Говорите!

— Уж не готовится ли новый Террор? — спросил другой.

— Уж не вылез ли из своего логова корсиканский людоед? — спросил третий.

— Маркиза, — сказал Вильфор, подходя к своей будущей теще, — простите меня, но я принужден просить у вас разрешения удалиться... Маркиз, разрешите сказать вам два слова наедине?

— Значит, это и вправду серьезное дело? — сказала маркиза, заметив нахмуренное лицо Вильфора.

— Очень серьезное, и я должен на несколько дней покинуть вас. Вы можете по этому судить, — прибавил Вильфор, обращаясь к Рене, — насколько это важно.

— Вы уезжаете? — вскричала Рене, не умея скрыть своего огорчения.

— Увы! — отвечал Вильфор. — Это необходимо.

— А куда? — спросила маркиза.

— Это — судебная тайна. Однако если у кого-нибудь есть поручения в Париж, то один мой приятель едет туда сегодня, и он охотно примет их на себя.

Все переглянулись.

— Вы хотели поговорить со мною? — спросил маркиз.

— Да, если позволите, пройдемте к вам в кабинет.

Маркиз взял Вильфора под руку, и они вместе вышли.

— Что случилось? — сказал маркиз, входя в кабинет. — Говорите.

— Нечто весьма важное, требующее моего немедленного отъезда в Париж. Теперь, маркиз, простите мне нескромный и бестактный вопрос: у вас есть государственные облигации?

— В них все мое состояние; на шестьсот или семьсот тысяч франков.

— Так продайте, маркиз, продайте, или вы разорены.

— Как я могу продать их отсюда?

— У вас есть маклер в Париже?

— Есть.

— Дайте мне письмо к нему: пусть продает, не теряя ни минуты, ни секунды; может быть, даже я приеду слишком поздно.

— Черт возьми! — сказал маркиз. — Не будем терять времени!

Он сел к столу и написал своему агенту распоряжение о продаже всех облигаций по любой цене.

— Одно письмо есть, — сказал Вильфор, бережно пряча его в бумажник, — теперь мне нужно еще другое.

— К кому?

— К королю.

— К королю?

— Да.

— Но не могу же я так прямо писать его величеству.

— Да я и не прошу письма от вас, а только хочу, чтобы вы попросили его у графа де Сальвьё. Чтобы не терять драгоценного времени, мне нужно такое письмо, с которым я мог бы явиться прямо к королю, не подвергаясь всяким формальностям, связанным с получением аудиенции.

— А министр юстиции? Он же имеет право входа в Тюильри, и через него вы в любое время можете получить доступ к королю.

— Разумеется. Но зачем мне делиться с другими той важной новостью, которую я везу. Вы понимаете? Министр юстиции, естественно, отодвинет меня на второй план и похитит у меня всю заслугу. Скажу вам одно, маркиз: если я первый явлюсь в Тюильри, карьера моя обеспечена, потому что я окажу королю услугу, которой он никогда не забудет.

— Если так, друг мой, ступайте, собирайтесь в дорогу; я вызову Сальвьё, и он напишет письмо, которое вам послужит пропуском.

— Хорошо, но не теряйте времени; через четверть часа я должен быть в почтовой карете.

— Велите остановиться у нашего дома.

— Вы, конечно, извинитесь за меня перед маркизой и мадемуазель де Сен-Меран, с которой я расстанусь в такой день с глубочайшим сожалением.

— Они будут ждать вас в моем кабинете, и вы проститесь с ними.

— Тысячу благодарностей. Так приготовьте письмо.

Маркиз позвонил.

Вошел лакей.

— Попросите сюда графа де Сальвьё... А вы идите, — сказал маркиз, обращаясь к Вильфору.

— Я сейчас же буду обратно.

И Вильфор торопливо вышел; но в дверях он решил, что вид помощника королевского прокурора, куда-то стремительно шагающего, может возмутить спокойствие целого города; поэтому он пошел своей обычной внушительной походкой.

Дойдя до своего дома, он заметил в темноте какой-то белый призрак, который ждал его, не шевелясь.

То была Мерседес, которая, не получая вестей об Эдмоне, решила сама разузнать, почему арестовали ее жениха.

Завидев Вильфора, она отделилась от стены и загорела ему дорогу. Дантес говорил Вильфору о своей невесте, и Мерседес незачем было называть себя; Вильфор и без того узнал ее. Его поразили красота и благородная осанка девушки, и когда она спросила его о своем женихе, то ему показалось, что обвиняемый — это он, а она — судья.

— Тот, о ком вы говорите, тяжкий преступник, — отвечал Вильфор, — и я ничего не могу сделать для него.

Мерседес зарыдала; Вильфор хотел пройти мимо, но она остановила его.

— Скажите по крайней мере, где он, — проговорила она, — чтобы я могла узнать, жив он или умер?

— Не знаю. Он больше не в моем распоряжении, — отвечал Вильфор.

Ее пронизательный взгляд и умоляющий жест тяготили его; он оттолкнул Мерседес, вошел в дом и быстро захлопнул за собою дверь, как бы желая отгородиться от горя этой девушки.

Но горе не так легко отогнать. Раненный им уносит его с собою, как смертельную стрелу, о которой говорит Вергилий.

Вильфор запер дверь, поднялся в гостиную, но тут ноги его подкосились; из его груди вырвался вздох, похожий на рыдание, и он упал в кресло.

Тогда-то в этой больной душе обнаружились первые зачатки смертельного недуга. Тот, кого он принес в жертву своему честолюбию, ни в чем не повинный юноша, который пострадал за вину его отца, предстал перед ним, бледный и грозный, под руку со своей невестой, такой же бледной, неся ему угрызения совести, — не те угрызения, от которых больной вскакивает, словно гонимый древним роком, а то глухое, мучительное постукивание, которое время от времени терзает сердце воспоминанием содеянного и до гробовой доски все глубже и глубже разъедает совесть.

Вильфор пережил еще одну — последнюю — минуту колебания. Уже не раз, не испытывая ничего, кроме волнения борьбы, он требовал смертной казни для подсудимых; и эти казни, совершившиеся благодаря его громовому красноречию, увлекшему присяжных или судей, ни единым облачком не омрачали его чела, ибо эти подсудимые были виновны, или по крайней мере Вильфор считал их таковыми.

Но на этот раз было совсем другое: к пожизненному заключению он приговорил невинного — невинного, которому предстояло счастье: он отнял у него не только свободу, но и счастье; на этот раз он был уже не судья, а палач.

И, думая об этом, он почувствовал те глухие мучительные удары, которых он до той поры не знал; они отдавались в его груди и наполняли сердце безотчетным страхом. Так нестерпимая боль предостерегает раненого, и он никогда без содрогания не коснется пальцем открытой и кровоточащей раны, пока она не зажила.

Но рана Вильфора была из тех, которые не заживают или заживают только затем, чтобы снова открыться, причиняя еще большие муки, чем прежде.

Если бы в эту минуту раздался нежный голос Рене, моля его о пощаде, если бы прелестная Мерседес вошла и сказала ему: «Именем бога, который нас видит и судит, заклинаю вас, отдайте мне моего жениха», — Вильфор, уже почти побежденный неизбежностью, покорился бы ей окончательно и оледенелой рукой, невзирая на все, чем это ему грозило, наконец, подписал бы приказ об освобождении Дантеса; но ничей голос не прозвучал в тишине, и дверь отворилась только для камердинера, который пришел доложить Вильфору, что почтовые лошади запряжены в дорожную коляску.

Вильфор встал или, вернее, вскочил, как человек, вышедший победителем из внутренней борьбы, подбежал к бюро, сунул в карман все золото, какое хранилось в одном из ящиков, покружил еще по комнате, растерянно потирая рукою лоб и бормоча бессвязные слова; наконец, почувствовав, что камердинер набросил ему на плечи плащ, он вышел, вскочил в карету и отрывисто приказал заехать на улицу Гран-Кур, к маркизу де Сен-Меран.

Несчастный Дантес был осужден безвозвратно.

Как обещал маркиз де Сен-Меран, Вильфор застал у него в кабинете его жену и дочь. При виде Рене молодой человек вздрогнул: он боялся, что она опять станет просить за Дантеса. Но, увы! Надо сознаться, в укор нашему эгоизму, что молодая девушка была занята только одним: отъездом своего жениха.

Она любила Вильфора; Вильфор уезжал накануне их свадьбы; Вильфор сам точно не знал, когда вернется, и Рене, вместо того чтобы жалеть Дантеса, проклинала человека, преступление которого разлучало ее с женихом.

Каково же было Мерседес!

На углу улицы Де-ла-Лож ее ждал Фернан, который вышел за ней следом; она вернулась в Каталаны и, полумертвая, в отчаянии, бросилась на постель. Перед этой постелью Фернан стал на колени и, взяв холодную руку, которой Мерседес не отнимала, покрывал ее жаркими поцелуями, но Мерседес даже не чувствовала их.

Так прошла ночь. Когда все масло выгорело, ночник погас, но она не заметила темноты, как не замечала света; и когда забрезжило утро, она и этого не заметила.

Горе пеленой застлало ей глаза, и она видела одного Эдмона.

— Ты здесь! — сказала она наконец, оборачиваясь к Фернану.

— Со вчерашнего дня я не отходил от тебя, — отвечал Фернан с горестным вздохом.

Моррель не считал себя побежденным. Он знал, что после допроса Дантеса отвели в тюрьму; тогда он обегал всех своих друзей, перебивал у всех, кто мог иметь влияние, но повсюду уже распространился слух, что Дантес арестован как бонапартистский агент, и так как в то время даже смельчаки считали безумием любую попытку Наполеона вернуть себе престол, то Моррель встречал только холодность, боязнь или

отказ. Он воротился домой в отчаянии, сознавая в душе, что дело очень плохо и что помочь никто не в силах.

Со своей стороны Кадрусс тоже был в большом беспокойстве. Вместо того чтобы бегать по всему городу, как Моррель, и пытаться чем-нибудь помочь Дантесу, что, впрочем, ни к чему бы не привело, он засел дома с двумя бутылками наливки и старался утопить свою тревогу в вине. Но для того чтобы одурманить его смятенный ум, двух бутылок было мало. Поэтому он остался сидеть, облокотясь на хромоногий стол, между двумя пустыми бутылками, не имея сил ни выйти из дому за вином, ни забыть о случившемся, и смотрел, как при свете коптящей свечи перед ним кружились и плясали все призраки, которые Гофман черной фантастической пылью рассеял по своим влажным от пунша страницам.

Один Данглар не беспокоился и не терзался. Данглар даже радовался; он отомстил врагу и обеспечил себе на «Фараоне» должность, которой боялся лишиться. Данглар был одним из тех расчетливых людей, которые рождаются с пером за ухом и с чернильницей вместо сердца; все, что есть в мире, сводилось для него к вычитанию или к умножению, и цифра значила для него гораздо больше, чем человек, если эта цифра увеличивала итог, который мог быть уменьшен этим человеком.

Поэтому Данглар лег спать в обычный час и спал спокойно.

Вильфор, получив от графа де Сальвьё рекомендательное письмо, поцеловал Рене в обе щеки, прильнул губами к руке маркизы де Сен-Меран, пожал руку маркизу и помчался на почтовых по дороге в Экс.

Старик Дантес, убитый горем, томился в смертельной тревоге.

Что же касается Эдмона, то мы знаем, что с ним случилось.

Х. МАЛЫЙ ПОКОЙ В ТЮИЛЬРИ

Оставим Вильфора на парижской дороге, где, платя тройные прогоны, он мчался во весь опор, и заглянем, миновав две-три гостиных, в малый тюильрийский покой, с полуциркульным окном, знаменитый тем, что это был любимый кабинет Наполеона и Людовика XVIII, а затем Луи-Филиппа.

В этом кабинете, сидя за столом орехового дерева, который он вывез из Гартвеля и который, в силу одной из причуд, свойственных выдающимся личностям, он особенно любил,

король Людовик XVIII рассеянно слушал человека лет пятидесяти, с седыми волосами, с аристократическим лицом, изысканно одетого. В то же время он делал пометки на полях Горация, издания Грифиуса, издания довольно неточного, хоть и почитаемого, и дававшего его величеству обильную пищу для хитроумных филологических наблюдений.

— Так вы говорите, сударь... — сказал король.

— Что я чрезвычайно обеспокоен, ваше величество.

— В самом деле? Уж не приснились ли вам семь коров тучных и семь тощих?

— Нет, ваше величество. Это означало бы только, что нас ждут семь годов обильных и семь голодных; а при таком предусмотрительном государе, как ваше величество, голода нечего бояться.

— Так что же вас беспокоит, милейший Блакас?

— Ваше величество, мне кажется, есть основания думать, что на юге собирается гроза.

— В таком случае, дорогой герцог, — отвечал Людовик XVIII, — мне кажется, вы плохо осведомлены. Я, напротив, знаю наверняка, что там прекрасная погода.

Людовик XVIII, хоть и был человеком просвещенного ума, любил нехитрую шутку.

— Сир, — сказал де Блакас, — хотя бы для того, чтобы успокоить верного слугу, соблаговолите послать в Лангедок, в Прованс и в Дофине надежных людей, которые доставили бы точные сведения о состоянии умов в этих трех провинциях.

— *Sanimus surdis*¹, — отвечал король, продолжая делать пометки на полях Горация.

— Ваше величество, — продолжал царедворец, усмехнувшись, чтобы показать, будто он понял полустышие венузинского поэта, — ваше величество, быть может, совершенно правы, надеясь на преданность Франции; но думается мне, что я не так уж не прав, опасаясь какой-нибудь отчаянной попытки...

— С чьей стороны?

— Со стороны Бонапарта или хотя бы его партии.

— Дорогой Блакас, — сказал король, — ваш страх не дает мне работать.

— А ваше спокойствие, сир, мешает мне спать.

— Пойдите, дорогой мой, погодите: мне пришло на ум

¹ Мы поем глухим (*лат.*).

пресчастливого замечание о *Pastor quum traheret*¹; погодите, потом скажете.

Наступило молчание, и король написал мельчайшим почерком несколько строк на полях Горация.

— Продолжайте, дорогой герцог, — сказал он, самодовольно подымая голову, как человек, считающий, что сам набрел на мысль, когда истолковал мысль другого. — Продолжайте, я вас слушаю.

— Ваше величество, — начал Блакас, который сначала надеялся один воспользоваться вестями Вильфора, — я должен сообщить вам, что не пустые слухи и не голословные предостережения беспокоят меня. Человек благомыслящий, заслуживающий моего полного доверия и имевший от меня поручение наблюдать за югом Франции (герцог слегка замялся, произнося эти слова), прискакал ко мне на почтовых, чтобы сказать: страшная опасность угрожает королю. Вот почему я и поспешил к вашему величеству.

— *Mala ducis avi domum*², — продолжал король, делая пометки.

— Может быть, вашему величеству угодно, чтобы я оставил этот предмет?

— Нет, нет, дорогой герцог, но протяните руку...

— Которую?

— Какую угодно; вот там, налево...

— Здесь, ваше величество?

— Я говорю налево, а вы ищете направо; я хочу сказать — налево от меня; да, тут; тут должно быть донесение министра полиции от вчерашнего числа... Да вот и сам Дандре... Ведь вы сказали: господин Дандре? — продолжал король, обращаясь к камердинеру, который вошел доложить о приезде министра полиции.

— Да, сир, барон Дандре, — отвечал камердинер.

— Да, барон, — сказал Людовик XVIII с едва заметной улыбкой, — войдите, барон, и расскажите герцогу все последние новости о господине Бонапарте. Не скрывайте ничего, как бы серьезно ни было положение. Правда ли, что остров Эльба — вулкан, и он извергает войну, ошетилившуюся и огненную: *bella, horida bella*?³

¹ Когда вез пастух... (лат.) (Гораций. Оды, I, 15).

² Везешь к горю ты горькому... (лат.) (Гораций. Оды, I, 15).

³ Войны, ужасные войны (лат.).

Дандре, изящно опираясь обеими руками на спинку стула, сказал:

— Вашему величеству угодно было удостоить взглядом мое вчерашнее донесение?

— Читал, читал, но расскажите сами герцогу, который никак не может его найти, что там написано; расскажите ему подробно, чем занимается узурпатор на своем острове.

— Все верные слуги его величества, — обратился барон к герцогу, — должны радоваться последним новостям, полученным с острова Эльба. Бонапарт...

Дандре посмотрел на Людовика XVIII, который, увлекшись каким-то примечанием, не поднял даже головы.

— Бонапарт, — продолжал барон, — смертельно скучает, по целым дням он созерцает работы минеров в Порто-Лангоне.

— И почесывается для развлечения, — прибавил король.

— Почесывается? — сказал герцог. — Что вы хотите сказать, ваше величество?

— Разве вы забыли, что этот великий человек, этот герой, этот полубог страдает кожной болезнью?

— Мало того, герцог, — продолжал министр полиции, — мы почти уверены, что в ближайшее время узурпатор сойдет с ума.

— Сойдет с ума?

— Несомненно; ум его мутится, он то плачет горькими слезами, то хохочет во все горло; иной раз сидит целыми часами на берегу и бросает камешки в воду, и если камень делает пять или шесть рикошетов, то он радуется, точно снова выиграл битву при Маренго или Аустерлице. Согласитесь сами, это явные признаки сумасшествия.

— Или мудрости, господин барон, — смеясь, сказал Людовик XVIII, — великие полководцы древности в часы досуга забавлялись тем, что бросали камешки в воду; разверните Плутарха и загляните в жизнь Сципиона Африканского.

Де Блакас задумался, видя такую беспечность и в министре и в короле. Вильфор не выдал ему всей своей тайны, чтобы другой не воспользовался ею, но все же сказал достаточно, чтобы поселить в нем немалые опасения.

— Продолжайте, Дандре, — сказал король, — Блакас еще не убежден; расскажите, как узурпатор обратился на путь истинный.

Министр полиции поклонился.

— На путь истинный, — прошептал герцог, глядя на ко-

роля и на Дандре, которые говорили поочередно, как вергилиевские пастухи. — Узурпатор обратился на путь истинный?

— Безусловно, любезный герцог.

— На какой же?

— На путь добра. Объясните, барон.

— Дело в том, герцог, — вполне серьезно начал министр, — что недавно Наполеон принимал смотр; двое или трое из его старых ворчунов, как он их называет, изъявили желание возвратиться во Францию; он их отпустил, настойчиво советуя им послужить их доброму королю; это его собственные слова, герцог, могу вас уверить.

— Ну, как, Блакас? Что вы на это скажете? — спросил король с торжествующим видом, отрываясь от огромной книги, раскрытой перед ним.

— Я скажу, ваше величество, что один из нас ошибается, или господин министр полиции, или я; но так как невозможно, чтобы ошибался господин министр полиции, ибо он охраняет благополучие и честь вашего величества, то, вероятно, ошибаюсь я. Однако на месте вашего величества я все же расспросил бы то лицо, о котором я имел честь докладывать; я даже настаиваю, чтобы ваше величество удостоили его этой чести.

— Извольте, герцог; по вашему указанию я приму кого хотите, но я хочу принять его с оружием в руках. Господин министр, нет ли у вас донесения посвежее? На этом проставлено двадцатое февраля, а ведь сегодня уже третье марта.

— Нет, ваше величество, но я жду нового донесения с минуты на минуту. Я выехал из дому с утра, и, может быть, оно получено без меня.

— Поезжайте в префектуру, и если оно еще не получено, то... — Людовик засмеялся, — то сочините сами; ведь так это делается?

— Хвала богу, сир, нам не нужно ничего выдумывать, — отвечал министр, — нас ежедневно заваливают самыми подробными доносами; их пишут всякие горемыки в надежде получить что-нибудь за услуги, которых они не оказывают, но хотели бы оказать. Они рассчитывают на счастливый случай и надеются, что какое-нибудь нежданное событие оправдает их предсказания.

— Хорошо, ступайте, — сказал король, — и не забудьте, что я вас жду.

— Ваше величество, через десять минут я здесь...

— А я, ваше величество, — сказал де Блакас, — пойду приведу моего вестника

— Пойдите, пойдите, — сказал король. — Знаете, Блакас, мне придется изменить ваш герб; я дам вам орла с распущенными крыльями, держащего в когтях добычу, которая тщетно силится вырваться, и с девизом: Tenax¹.

— Я вас слушаю, ваше величество, — отвечал герцог, кусая ногти от нетерпения.

— Я хотел посоветоваться с вами об этом стихе: *Molli fugiens anhelitu...*² Полноте, дело идет об олене, которого преследует волк. Ведь вы же охотник и обер-егермейстер; как вам нравится это *Molli anhelitu*?

— Превосходно, ваше величество. Но мой вестник похож на того оленя, о котором вы говорите, ибо он проехал двести двадцать лье на почтовых, и притом меньше чем в три дня.

— Это лишний труд и беспокойство, когда у нас есть телеграф, который сделал бы то же самое в три или четыре часа, и притом без всякой одышки.

— Ваше величество, вы плохо вознаграждаете рвение бедного молодого человека, который примчался издалека, чтобы предостеречь ваше величество. Хотя бы ради графа Сальвьё, который мне его рекомендует, примите его милостиво, прошу вас.

— Граф Сальвьё? Камергер моего брата?

— Он самый.

— Да-да, ведь он в Марселе.

— Он оттуда мне и пишет.

— Так и он сообщает об этом заговоре?

— Нет, но рекомендует господина де Вильфор и поручает мне представить его вашему величеству.

— Вильфор! — вскричал король. — Так его зовут Вильфор?

— Да, сир.

— Это он и приехал из Марселя?

— Он самый.

— Что же вы сразу не назвали его имени? — сказал король, и на лице его показалась легкая тень беспокойства.

— Сир, я думал, что его имя неизвестно вашему величеству.

— Нет-нет, Блакас; это человек дельный, благородного

¹ Цепкий (лат.).

² Так и ты побежишь, задыхаясь... (лат.) (Гораций. Оды, I, 15).

образа мыслей, главное — честолюбивый. Да вы же знаете его отца, хотя бы по имени...

— Его отца?

— Ну да, Нуартье.

— Жирондист? Сенатор?

— Вот именно.

— И ваше величество доверили государственную должность сыну такого человека?

— Блакас, мой друг, вы ничего не понимаете; я вам сказал, что Вильфор честолюбив; чтобы выслужиться, Вильфор пожертвует всем, даже родным отцом.

— Так прикажете привести его?

— Сию же минуту; где он?

— Ждет внизу, в моей карете.

— Ступайте за ним.

— Бегу.

И герцог побежал с живостью молодого человека; его искренний роялистский пыл придавал ему силы двадцатилетнего юноши.

Людовик XVIII, оставшись один, снова устремил взгляд на раскрытого Горация и прошептал: «*Justum et tenacem propositi virum...*»¹

Де Блакас возвратился так же поспешно, как вышел, но в приемной ему пришлось сослаться на волю короля: пыльное платье Вильфора, его наряд, отнюдь не отвечающий придворному этикету, возбудили неудовольствие маркиза де Брезе, который изумился дерзости молодого человека, решившегося в таком виде явиться к королю. Но герцог одним словом: «По велению его величества» — устранил все препятствия, и, несмотря на возражения, которые порядка ради продолжал бормотать церемониймейстер, Вильфор вошел в кабинет.

Король сидел на том же месте, где его оставил герцог. Отворив дверь, Вильфор очутился прямо против него; молодой человек невольно остановился.

— Войдите, господин де Вильфор, — сказал король, — войдите!

Вильфор поклонился и сделал несколько шагов в ожидании вопроса короля.

— Господин де Вильфор, — начал Людовик XVIII, — герцог Блакас говорит, что вы имеете сообщить нам нечто важное.

¹ Муж справедливый и твердый в решениях... (лат.) (Гораций. Оды, III, 3).

— Сир, герцог говорит правду, и я надеюсь, что и вашему величеству угодно будет согласиться с ним.

— Прежде всего, так ли велика опасность, как меня хотят уверить?

— Ваше величество, я считаю ее серьезной; но благодаря моей поспешности она, надеюсь, предотвратима.

— Говорите подробно, не стесняйтесь, — сказал король, начиная и сам заражаться волнением, которое отражалось на лице герцога и в голосе Вильфора, — говорите, но начните сначала, я во всем и везде люблю порядок.

— Я представлю вашему величеству подробный отчет; но прошу извинить, если мое смущение несколько затемнит смысл моих слов.

Взгляд, брошенный на короля после этого вкрадчивого вступления, сказал Вильфору, что августейший собеседник внимает ему с благосклонностью, и он продолжал:

— Ваше величество, я приехал со всей поспешностью в Париж, чтобы уведомить ваше величество о том, что по долгу службы я открыл не какое-нибудь обыденное и пустое сообщничество, какие каждый день затеваются в низших слоях населения и войска, но подлинный заговор, который угрожает трону вашего величества. Сир, узурпатор снаряжает три корабля; он замышляет какое-то дело, может быть, безумное, но тем не менее и грозное, несмотря на все его безумие. В настоящую минуту он уже, должно быть, покинул остров Эльба и направился — куда? — не знаю. Без сомнений, он попытается высадиться либо в Неаполе, либо на берегах Тосканы, а может быть, даже и во Франции. Вашему величеству небезызвестно, что властитель острова Эльба сохранил сношения и с Италией и с Францией.

— Да, — отвечал король в сильном волнении, — совсем недавно мы узнали, что бонапартисты собираются на улице Сен-Жак; но продолжайте, прошу вас; как вы получили все эти сведения?

— Ваше величество, я почерпнул их из допроса, который я учинил одному марсельскому моряку. Я давно начал следить за ним и в самый день моего отъезда отдал приказ об его аресте. Этот человек, несомненный бонапартист, тайно ездил на остров Эльба; там он виделся с маршалом, и тот дал ему устное поручение к одному парижскому бонапартисту, имени которого я от него так и не добился; но поручение состояло в том, чтобы подготовить умы к возвращению (прошу помнить, ваше величество, что я передаю слова подсудимого), к воз-

вращению, которое должно последовать в самое ближайшее время.

— А где этот человек? — спросил король.

— В тюрьме, ваше величество.

— И дело показалось вам серьезным?

— Настолько серьезным, что, узнав о нем на семейном торжестве, в самый день моего обручения, я тотчас все бросил, и невесту, и друзей, все отложил до другого времени и явился повергнуть к стопам вашего величества и мои опасения, и заверения в моей преданности.

— Да, — сказал Людовик, — ведь вы должны были жениться на мадемуазель де Сен-Меран.

— На дочери одного из преданнейших ваших слуг.

— Да, да; но вернемся к этому сообщничеству, господин де Вильфор.

— Ваше величество, боюсь, что это нечто большее, чем сообщничество, боюсь, что это заговор.

— В наше время, — отвечал Людовик с улыбкой, — легко затеять заговор, но трудно привести его в исполнение уже потому, что мы, недавно возвратясь на престол наших предков, обращаем взгляд одновременно на прошлое, на настоящее и на будущее. Вот уже десять месяцев, как мои министры зорко следят за тем, чтобы берега Средиземного моря бдительно охранялись. Если Бонапарт высадится в Неаполе, то вся коалиция подымется против него, прежде чем он успеет дойти до Пьембино; если он высадится в Тоскане, то ступит на вражескую землю; если он высадится во Франции, то лишь с горсточкой людей, и мы справимся с ним без труда, потому что население ненавидит его. Поэтому успокойтесь, но будьте все же уверены в нашей королевской признательности.

— А! Вот и господин Дандре, — воскликнул герцог Блакас.

На пороге кабинета стоял министр полиции, бледный, трепещущий; взгляд его блуждал, словно сознание покидало его. Вильфор хотел удалиться, но де Блакас удержал его за руку.

XI. КОРСИКАНСКИЙ ЛЮДОЕД

Людовик XVIII, увидав отчаянное лицо министра полиции, с силой оттолкнул стол, за которым сидел.

— Что с вами, барон? — воскликнул он. — Почему вы в таком смятении? Неужели из-за догадок герцога Блакаса, которые подтверждает господин де Вильфор?

Герцог тоже быстро подошел к барону, но страх придворного пересилил злорадство государственного деятеля: в самом деле, положение было таково, что несравненно лучше было самому оказаться посрамленным, чем видеть посрамленным министра полиции.

— Ваше величество... — пролепетал барон.

— Говорите! — сказал король.

Тогда министр полиции, уступая чувству отчаяния, бросился на колени перед Людовиком XVIII, который отступил назад и нахмурил брови.

— Заговорите вы или нет? — спросил он.

— Ах, ваше величество! Какое несчастье! Что мне делать? Я безутешен!

— Милостивый государь, — сказал Людовик XVIII, — я вам приказываю говорить.

— Ваше величество, узурпатор покинул остров Эльба двадцать восьмого февраля и пристал к берегу первого марта.

— Где? — быстро спросил король.

— Во Франции, ваше величество, в маленькой гавани близ Антиб, в заливе Жуан.

— Первого марта узурпатор высадился во Франции близ Антиб, в заливе Жуан, в двухстах пятидесяти лье от Парижа, а вы узнали об этом только нынче, третьего марта!.. Нет, милостивый государь, этого не может быть; либо вас обманули, либо вы сошли с ума.

— Увы, ваше величество, это совершенная правда!

Людовик XVIII задрожал от гнева и страха и порывисто вскочил, словно неожиданный удар поразил его вдруг в самое сердце.

— Во Франции! — закричал он. — Узурпатор во Франции! Стало быть, за этим человеком не следили? Или, почему знать, были с ним заодно?

— Сир, — воскликнул герцог Блакас, — такого человека, как барон Дандре, нельзя обвинять в измене! Ваше величество, все мы были слепы, и министр полиции поддался общему ослеплению, вот и все!

— Однако... — начал Вильфор, но вдруг осекся, — простите великодушно, ваше величество, — сказал он с поклоном. — Мое усердие увлекло меня; прошу ваше величество простить меня.

— Говорите, сударь, говорите смело, — сказал король. — Вы один предупредили нас о несчастье; помогите нам найти средство отразить его.

— Ваше величество, узурпатора на юге ненавидят; полагаю, что если он решится идти через юг, то легко будет поднять против него Прованс и Лангедок.

— Верно, — сказал министр, — но он идет через Гап и Систерон.

— Идет! — прервал король. — Стало быть, он идет на Париж?

Министр полиции не ответил ничего, что было равносильно признанию.

— А Дофине? — спросил король, обращаясь к Вильфору. — Можно ли, по-вашему, и эту провинцию поднять, как Прованс?

— Мне горько говорить вашему величеству жестокую правду, но настроение в Дофине много хуже, чем в Провансе и в Лангедоке. Горцы — бонапартисты, ваше величество.

— Он был хорошо осведомлен, — прошептал король. — А сколько у него войска?

— Не знаю, ваше величество, — отвечал министр полиции.

— Как не знаете? Вы забыли справиться об этом? Правда, это не столь важно, — прибавил король с убийственной улыбкой.

— Ваше величество, я не мог об этом справиться; депеша сообщает только о высадке узурпатора и о пути, по которому он идет.

— А как вы получили депешу? — спросил король.

Министр опустил голову и покраснел, как рак.

— По телеграфу, ваше величество.

Людовик XVIII сделал шаг вперед и скрестил руки на груди, как Наполеон.

— Итак, — сказал он, побледнев от гнева, — семь союзных армий ниспровергли этого человека; чудом возвратился я на престол моих предков после двадцатипятилетнего изгнания; все эти двадцать пять лет я изучал, обдумывал, узнавал людей и дела той Франции, которая была мне обещана, — и для чего? Для того чтобы в ту минуту, когда я достиг цели моих желаний, сила, которую я держал в руках, разразилась громом и разбила меня!

— Ваше величество, это рок, — пробормотал министр, чувствуя, что такое бремя, невесомое для судьбы, достаточно, чтобы раздавить человека.

— Стало быть, то, что говорили про нас наши враги, справедливо: мы ничему не научились, ничего не забыли! Если бы

меня предали, как его, я мог бы еще утешиться. Но быть среди людей, которых я осыпал почестями, которые должны бы беречь меня больше, чем самих себя, ибо мое счастье — их счастье: до меня они были ничем, после меня опять будут ничем, — и погибнуть из-за их беспомощности, их глупости! Да, милостивый государь, вы правы, это — рок!

Министр, не смея поднять голову, слушал эту грозную отповедь. Блакас отирал пот с лица; Вильфор внутренне улыбаясь, чувствуя, что значение его возрастает.

— Пасть, — продолжал Людовик XVIII, который с первого взгляда измерил глубину пропасти, разверзшейся перед монархией, — пасть и узнать о своем падении по телеграфу! Мне было бы легче взойти на эшафот, как мой брат Людовик XVI, чем спускаться по тюильрийской лестнице под бичом насмешек... Вы не знаете, милостивый государь, что значит во Франции стать посмешищем, а между тем вам следовало это знать.

— Ваше величество, — бормотал министр, — пощадите!..

— Подойдите, господин де Вильфор, — продолжал король, обращаясь к молодому человеку, который неподвижно стоял поодаль, следя за разговором, который касался судьбы целого государства, — подойдите и скажите ему, что можно было знать наперед все то, чего он не знал.

— Ваше величество, физически невозможно было предугадать замыслы, которые узурпатор скрывал решительно от всех.

— Физически невозможно! Какой веский довод! К сожалению, веские доводы то же, что и люди с весом, я узнаю им цену. Министру, имеющему в своем распоряжении целое управление, департаменты, агентов, сыщиков, шпионов и секретный фонд в полтора миллиона франков, невозможно знать, что делается в шестидесяти милях от берегов Франции? Вот молодой человек, у которого не было ни одного из этих средств, и он, простой судейский чиновник, знал больше, чем вы со всей вашей полицией, и он спас бы мою корону, если бы имел право, как вы, распоряжаться телеграфом.

Взгляд министра полиции с выражением глубочайшей досады обратился на Вильфора, который склонил голову со скромностью победителя.

— Про вас я не говорю, Блакас, — продолжал король, — если вы ничего и не открыли, то по крайней мере были настолько умны, что упорствовали в своих подозрениях; другой, может быть, отнесся бы к сообщению господина де Виль-

фор, как к пустякам, или подумал бы, что оно внушено корыстным честолюбием.

Это был намек на те слова, которые министр полиции с такой уверенностью произнес час тому назад.

Вильфор понял игру короля. Другой, может быть, упоенный успехом, дал бы увлечь себя похвалами; но он боялся нажать смертельного врага в министре полиции, хотя и чувствовал, что тот погиб безвозвратно. Однако министр, не умевший в полноте власти предугадать замыслы Наполеона, мог в судорогах своей агонии проникнуть в тайну Вильфора: для этого ему стоило только допросить Дантеса. Поэтому, вместо того чтобы добить министра, он пришел ему на помощь.

— Ваше величество, — сказал Вильфор, — стремительность событий доказывает, что только бог, послав бурю, мог остановить их. То, что вашему величеству угодно приписывать моей проницательности, всего-навсего дело случая; я только воспользовался этим случаем, как преданный слуга. Не цените меня выше, чем я заслуживаю, сир, чтобы потом не разочароваться в вашем первом впечатлении.

Министр полиции поблагодарил Вильфора красноречивым взглядом, а Вильфор понял, что успел в своем намерении и, не утратив благодарности короля, приобрел друга, на которого в случае нужды мог надеяться.

— Пусть будет так, — сказал король. — А теперь, господа, — продолжал он, обращаясь к де Блакасу и министру полиции, — вы мне более не нужны, можете идти... То, что теперь остается делать, относится к ведению военного министра.

— К счастью, — сказал герцог, — мы можем надеяться на армию: вашему величеству известно, что все донесения свидетельствуют об ее преданности вашей короне.

— Не говорите мне о донесениях; теперь я знаю, как им можно верить. Да, кстати, о донесениях, барон: какие новости об улице Сен-Жак?

— Об улице Сен-Жак! — невольно воскликнул Вильфор, но тотчас спохватился: — Простите, сир, преданность вашему величеству то и дело заставляет меня забывать — не о моем уважении, оно слишком глубоко запечатлено в моем сердце, — но о правилах этикета.

— Прошу вас, — отвечал король, — сегодня вы приобрели право спрашивать.

— Сир, — начал министр полиции, — я как раз хотел доложить сегодня вашему величеству о новых сведениях, со-

бренных по этому делу, но внимание вашего величества было отвлечено грозным событием в заливе Жуан; теперь эти сведения уже не могут представлять для вашего величества никакого интереса.

— Напротив, — отвечал король, — это дело имеет, мне кажется, прямую связь с тем, которое теперь занимает нас, и смерть генерала Кенеля, может быть, наведет нас на след большого внутреннего заговора.

Услышав имя Кенель, Вильфор вздрогнул.

— Действительно, ваше величество, — продолжал министр полиции, — судя по всему, это не самоубийство, как полагали сначала, а убийство. Генерал Кенель, по-видимому, исчез по выходе из бонапартистского клуба. Какой-то неизвестный приходил к нему в то утро и назначил ему свидание на улице Сен-Жак. К сожалению, камердинер, который причесывал генерала, когда незнакомца ввели в кабинет, и слышал, как он назначил свидание на улице Сен-Жак, не запомнил номера дома.

Пока министр полиции сообщал королю эти сведения, Вильфор, ловивший каждое слово, то краснел, то бледнел.

Король повернулся к нему:

— Не думаете ли вы, господин де Вильфор, что генерал Кенель, которого почитали приверженцем узурпатора, между тем как на самом деле он был всецело предан мне, мог погибнуть от руки бонапартистов?

— Это возможно, ваше величество; но неужели больше ничего не известно?

— Уже напали на след человека, назначившего свидание.

— Напали на след? — повторил Вильфор.

— Да, камердинер сообщил его приметы: это человек лет пятидесяти или пятидесяти двух, черноволосый, глаза черные, брови густые, с усами, носит синий сюртук, застегнутый доверху; в петлице — ленточка Почетного легиона. Вчера выследили человека, который в точности отвечает приметам, но он скрылся на углу улиц Ла-Жюсьен и Кок-Эрон.

Вильфор с первых слов министра оперся на спинку кресла, ноги у него подкашивались, но, когда он услышал, что незнакомец ушел от полиции, он облегченно вздохнул.

— Найдите этого человека, — сказал король министру полиции, — потому что, если генерал Кенель, который был бы нам сейчас так нужен, пал от руки убийц, будь то бонапартисты или кто иной, я хочу, чтобы его убийцы были жестоко наказаны.

Вильфору понадобилось все его хладнокровие, чтобы не выдать ужаса, в который повергли его последние слова короля.

— Странное дело! — продолжал король с досадой. — Полиция считает, что все сказано, когда она говорит: совершено убийство, и что все сделано, когда она прибавляет: напали на след виновных.

— В этом случае, я надеюсь, ваше величество останетесь довольны.

— Хорошо, увидим; не задерживаю вас, барон. Господин де Вильфор, вы устали после долгого пути, ступайте отдохните. Вы, верно, остановились у вашего отца?

У Вильфора потемнело в глазах.

— Нет, ваше величество, я остановился на улице Турнон, в гостинице «Мадрид».

— Но вы его видели?

— Ваше величество, я прямо поехал к герцогу Блакас.

— Но вы его увидите?

— Не думаю, ваше величество!

— Да, правда, — сказал король, и по его улыбке видно было, что все эти вопросы заданы не без умысла. — Я забыл, что вы не в дружбе с господином Нуартье и что это также жертва, принесенная моему трону, за которую я должен вас вознаградить.

— Милость ко мне вашего величества — награда, настолько превышающая все мои желания, что мне нечего больше просить у короля.

— Все равно мы вас не забудем, будьте спокойны; а пока, — король снял с груди крест Почетного легиона, который всегда носил на своем синем фраке, возле креста св. Людовика, над звездой Кармильской богородицы и св. Лазаря, и подал Вильфору, — пока возьмите этот крест.

— Ваше величество ошибаетесь, — сказал Вильфор, — этот крест офицерский.

— Неважно, возьмите его; у меня нет времени потребовать другой. Блакас, позаботьтесь о том, чтобы господину де Вильфор была выдана грамота.

На глазах Вильфора блеснули слезы горделивой радости; он принял крест и поцеловал его.

— Какие еще приказания угодно вашему величеству дать мне? — спросил Вильфор.

— Отдохните, а потом не забывайте, что если в Париже вы не в силах служить мне, то в Марселе вы можете оказать мне большие услуги.